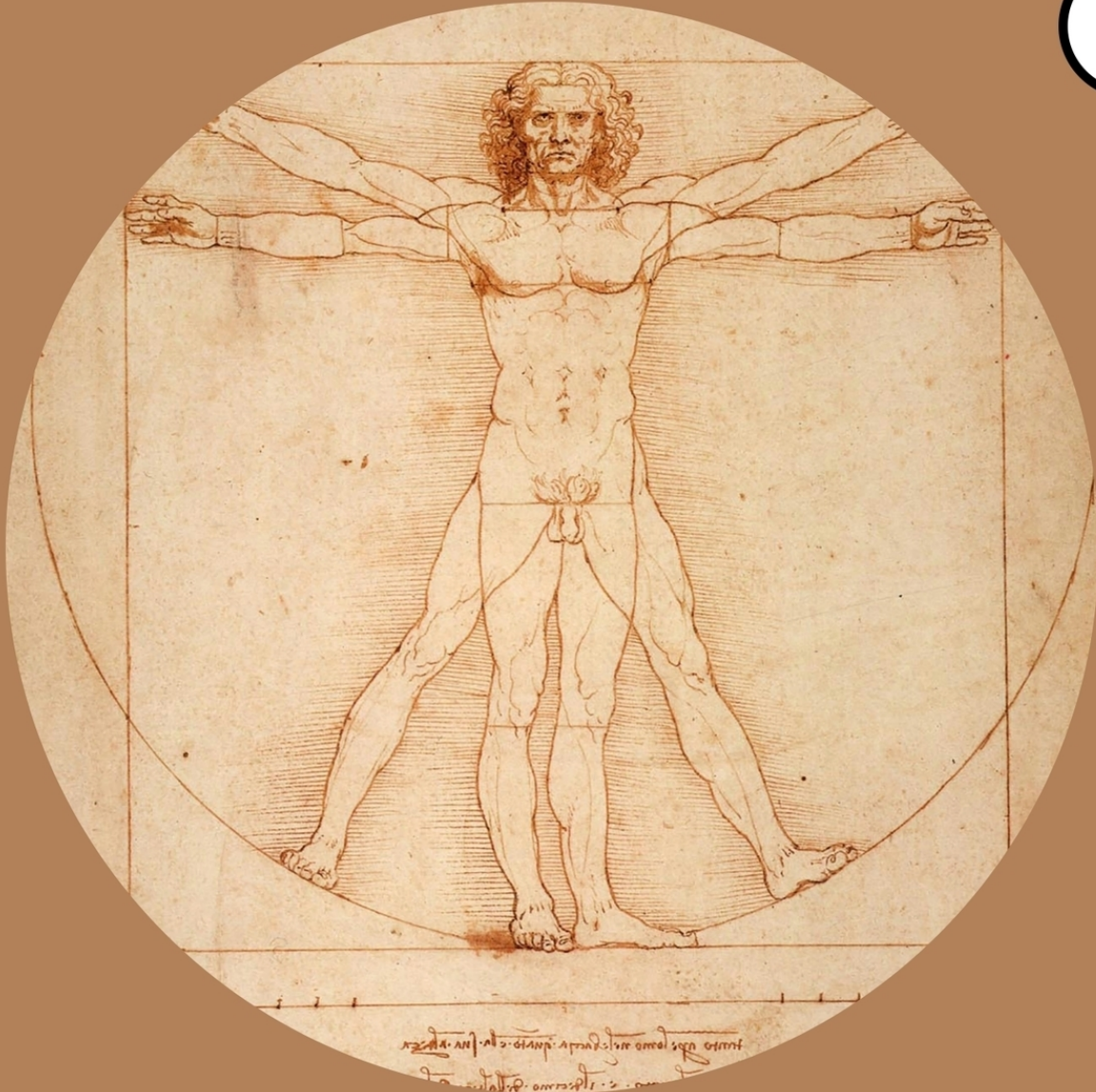

Андрей Орленко

18+

Адам Кодман, или Заговор близнецов

роман

Андрей Орленко

**Адам Кодман, или
Заговор близнецов**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Орленко А. В.

Адам Кодман, или Заговор близнецов / А. В. Орленко —
«ЛитРес: Самиздат», 2011

В центре очень странных событий оказывается аспирант Колумбийского университета Георгий Коган. Ему предстоит разобраться не только в сложных интригах «неотамплиеров» вокруг постановки бродвейского мюзикла по мотивам дантовского «Ада», таинственном исчезновении своего профессора, политических играх ФБР, удивительных преображениях старого друга Адама Кадмона, но и решить для самого себя некие, почти мистические, вопросы, неожиданно ставшие самыми главными в жизни.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

1. Холм Спасения (пролог)

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*
AD.I.1.*

Из всех утр, которые довелось пережить моему телу, сегодняшнее, по своей бездарности, можно считать чемпионом.

Бездарное утро не то, которое не рождает идей, или то, которое идеи убивает. Оно сродни тому преддвечному часу, когда Великий Флорентиец осознал, что вторая половина жизни никак не продолжает первую и даже не опровергает ее¹. Она попросту ставит тебя перед фактом. Факт смотрит на тебя из зеркала, давая понять, что он – не оптический фокус природы, где правое и левое меняются местами и каббалистические тексты становятся бестолковыми перевертышами, а злой потусторонний наблюдатель, делающий свои унылые выводы, глядя в опухшее от пьянства лицо визави...

Первое утро своего тридцать шестого года существования на этой планете тело, которое еще недавно я считал своим, было категорически неправильным. И дело было вовсе не в тяжелом алкогольном отравлении (хотя не столько тяжелом, сколько омерзительном), и не в том, что после сегодняшней ночи, если верить Платону², тело, которое считать своим у меня еще оставались основания, целенаправленно топает к умиранию, и уж совсем не в том, что после минувшей ночи мне, вопреки всему, надлежало идти на работу. Дело было в том, что утро свершилось. И это делало все происходящее категорически неправильным.

«Я бы мог превратить тебя в дерево...»³ – говорил своей возлюбленной известный славынский поэт. Ну, и превратил бы. Чего страшать? Бывают моменты, когда это единственно правильное решение. Сегодня от такого я бы не отказался.

В пять часов пополудни я должен докладывать редакционной коллегии о конкурсных работах, допущенных до финала. А докладывать было решительно нечего.

Идею конкурса «Отражения страха», с таким трудом прошедшую совет директоров, как и любую другую инициативу, следовало воплощать автору. Автором был я. Кроме того, я был литературным редактором журнала «Русский бизнес» (какой дурак придумывает подобные названия для деловых изданий?).

Конкурс, объявленный почти год назад, предполагал своей целью привлечение внимания к изданию романтически настроенных бизнесменов и бухгалтеров, склонных к литературному творчеству. Рекламный бюджет и призовой фонд были достаточно внушительными, чтобы с меня сняли голову вместе с прической и перхотью в случае неудачи. А неудача была настолько очевидной, что даже не вызывала огорчения.

За одиннадцать месяцев предфинального отбора у меня в руках оказалось семь, с большой натяжкой – восемь историй, представляя которые высокому жюри, я не рисковал бы жизнью.

Все мои робкие намеки руководству о том, что конкурс – это эксперимент, любой исход которого тоже результат, наталкивались на враждебное непонимание.

¹ * Эпиграфы приведены в переводе М. Лозинского; каждый эпиграф сопровождается ссылкой на стих в тексте «Божественной комедии» Данте Алигьери. Очевидно, имеется в виду общепринятая комментаторами «Божественной комедии» версия того, что «сумрачным лесом» Данте аллегорически называл собственную растерянность перед сложными обстоятельствами, которые сложились в итальянской политике к 1300 году.

² Согласно античной традиции, озвученной, в том числе и Платоном, «полезная» жизнь человека составляет 70 лет. Некоторые биографы Данте обращают внимание на то, что поэт пророчески предвидел год своей смерти. Половина жизни Данте, если рассчитывать ее с точки зрения «Золотой пропорции», připадает как раз на 35 лет. Данте прожил 56 лет.

³ Из текста рок-баллады «Крик птицы», написанной украинским поэтом-песенником Юрием Рыбчинским для белорусского ансамбля «Песняры» в конце 1970-х годов.

«Я бы мог превратить тебя в зарево...» – иезуитски хвастал славянский поэт. Господи! Зарево – это так красиво! У зарева нет головы, которую можно оторвать, открутить, отвинтить или стукнуть по ней вазоном с геранью.

«...но я превратил тебя в птицу...» – констатировал поэт-волшебник, добавляя к голове, которую можно открутить, еще ноги, крылья и перья, дающие такие возможности истязателю, что просто дух захватывает. Вот уж где позавидуешь Колобку.

В общем и целом вторая половина моей жизни начиналась скверно. В самый раз спускаться в преисподнюю в поисках нестандартного решения...

И я, не задумываясь, сделал бы это, найдись в моей жизни что-то, пусть отдаленно, напоминающее Эвридику. Но, увы. Ни Эвридики⁴, ни Биче Портинари⁵, ни кого-нибудь другого столь же значимого, я вспомнить не мог. А шляться по ту сторону бытия просто так мне не улыбалось. Я не Геракл⁶.

Я сидел в своем кабинете и, вопреки внутреннему распорядку, пускал дым кольцами. Это особое умение, приобретенное еще в школьные годы, отвлекало меня от мрачных мыслей и дурного расположения духа. «Чего я, собственно, нервничаю! – успокаивал я себя. – Ну, нет среди читателей нашего журнала выдающихся литераторов. В конце концов, не это главное. Деньги, истраченные на рекламу конкурса, в любом случае рекламировали журнал. Да и на призе сэкономить можно...» Так-то оно так, но вряд ли это будет достаточным аргументом, чтобы оставить меня в живых.

Спасение пришло неожиданно и сначала таковым не показалось.

Мне принесли почту. Среди двух десятков конвертов этот выглядел самым скучным. Была в нем какая-то неинтересность. Серость, что ли? В таких обычно приносят извещения от пожарной охраны или вызов на допрос к следователю. Иногда в них помещают врачебную тайну твоей медицинской страховки или счет на оплату жилья. Учитывая внешний вид конверта, самочувствие, начало второй (и видимо не лучшей) половины жизни, а также политическую нестабильность в мире, первым желанием было отправить указанный конверт в мусорную корзину нераспечатанным. Но профессиональное чутье или Провидение, которое в эту минуту решило надо мной сжалиться, заставило взглянуть на содержимое. Состояло оно из пяти листов, выдранных из амбарной книги, исписанных мелким аккуратным почерком опытного бухгалтера.

Рассказ, автором которого был человек по имени Инга, начинался с обычного для непрофессионала описания исторических реалий, совершенно необязательных для драматургии повествования. Инга рассказала, что, будучи ребенком, исправно посещала уроки в балетной студии, мечтая о серьезном балетном будущем. Педагог ее был в недавнем прошлом известным балетным солистом, хотя и в не очень столичной опере, что не мешало его амбициям считаться удовлетворенными. По официальной версии, продвижение на Олимп мирового балета ему преградила травма бедра во время репетиции дуэта с одной из звезд, имя которой до сих пор мелькает на афишах по всему миру.

Принципиальным ноу-хау танцора-пенсионера была зеркальная стена, отражавшая все, что происходит в классе, и позволяющая одновременно наблюдать за происходящим из потай-

⁴ Эвридика – возлюбленная мифического певца Орфея, в поисках которой тот спускался в Аид.

⁵ Биче Портинари (Беатриче) – символ любви в «Божественной Комедии». Ее прототипом послужила реальная девушка, в которую влюбился девятилетний Данте, повстречав ее в Равенне на мосту через Арно во время праздника. Беатриче не стала возлюбленной Данте. Она умерла в возрасте 24 лет, оставшись для поэта идеалом чистоты.

⁶ Не совсем точно. Геракл «шлялся по ту сторону бытия» не просто так. Герой спускался в Аид, выполняя поручение микенского царя Эврисфея, на службе у которого находился. Геракл должен был привести в Микены цепного пса Преисподней Кербера.

ной комнаты. О волшебных свойствах зеркальной стены в классе студистки, разумеется, ничего не знали. Хотя, слухи ходили...

Самым употребляемый был слух о том, что зеркало балетного класса отличалось от всех остальных зеркал на земле тем, что оно не синхронно отражало реальность. Реальность запаздывала. Зеркало словно предугадывало, что произойдет в следующее мгновение. А может быть, не предугадывало, а диктовало. Это особенно было заметно, когда девочки совершали какую-нибудь ошибку или напротив, когда удавалось сделать что-то такое, чего от себя не ожидаешь. Среди учениц были известны случаи откровенных непристойностей со стороны зеркала. Ему ничего не стоило в самый ответственный момент подвернуть кому-нибудь ногу или порвать лосины. Подобных пакостей обычно ожидали, когда в классе присутствовали чужие или мальчики-новички.

Еще поговаривали о том, что самым страшным оскорблением для зеркала было уличить его в несинхронности. Случись такое, говорили, и зеркало лопнет от злости и рассыплется на миллион кусочков. И горе тому, на кого падет этот гнев. Потому что, рассыпавшись, зеркало все равно будет отражать (или предсказывать) все ошибки. Но тогда этих ошибок будет в миллион раз больше, или во столько раз, на сколько кусков рассыплется стекло.

Но самым страшным из свойств, которые приписывались зеркалу, было его всезнание. Считалось, что зеркало руководит отражением девочек даже тогда, когда их нет в классе. Касалось ли это только танцев, никто с уверенностью сказать не мог.

Никто всерьез не задумывался над сверхъестественными свойствами классного зеркала, кроме тех редких моментов, когда свойства эти обсуждались в раздевалке и непременно шепотом. Изредка звучали сюжеты о Белой Балерине (призраке, гулявшем по школе в ночи полнолуния) и о Тайном Соглядатае (существе, наблюдавшем за девочками в момент индивидуальных занятий или в душевой). Но эти слухи считались ложными.

Инга, которая в описываемый период времени уже твердо стояла на пуантах и боролась с законами физики за право крутить фуэте, относилась ко всем этим слухам с иронией.

Фуэте затмевало всю метафизику классного зеркала, и даже авторитет учителя. Хотелось одного – почувствовать власть над центробежными силами, не теряя при этом вертикального положения. Фуэте вообще вещь особенная. Именно это умение и отличает балерину от всех остальных людей на земле.

Фуэте никак не удавалось, и очень скоро Инга стала винить в этом Зеркало.

Вся магия зеркал, вся амальгама мира, впитывающая в себя, слой за слоем, реальный мир и превращающая этот мир в обратную проекцию, не смогли сломить прагматизма маленькой балерины. Инга, переполненная эмоциями относительно своих неудач с фуэте и впечатлениями от рассказов подруг о злополучном стекле, попросту запустила в него реальным табуретом, расчленив тем самым блестящую поверхность на миллион кусочков...

Она не побоялась гнева руководства школы и родителей, она не искала восхищения соучениц. Она просто разбила зеркало, которое мешало ей идти своим путем.

И ничего не случилось. Нет, конечно, были и гнев руководства, и домашняя выволочка, и восхищение подруг. Но мир не перестал быть, лишившись зеркала на всю стену в тренировочном классе.

Осколки быстро убрали, и уже к следующему занятию стену украшало другое зеркало. Совсем другое.

Инга не стала балериной. Она стала бухгалтером, приславшим рассказ про зеркало на литературный конкурс нашего журнала.

Справедливости ради надо добавить, что мне пришлось изрядно повозиться с текстом, который изобиловал массой ненужностей. Рассказ был, мягко говоря, паршивым. Но никакого значения это не имело. Моя жизнь была спасена и дорога во вторую ее половину была открыта.

Редакционная коллегия прошла почти безболезненно, и уже на восьмой минуте доклада мне было предложено заткнуться, дабы коллегия получила возможность обсудить финансовые вопросы. Я опять забыл, где работаю...

Вторая половина жизни обрела право на существование, и я незамедлительно начал это право реализовывать. Невзирая на мерзкое похмелье (в данном случае, похмелье играло роль катализатора в сложном процессе поиска адекватности с миром), заняться этим больше было некому.

Вместо того чтобы поставить Инге свечку, я решил выпить за Ингу водки.

*Шефу отдела ФБР, мр. Эрику МакНи
Докладывает агент Бенджамин Эплстоун
20 октября 1999 г. Манхэттен. Н.Й.*

Настоящим довожу до вашего сведения, что несчастный случай, приведший к гибели миссис Инги Куценко, не вызывает сомнения в верности первоначальной полицейской версии. Свидетели происшествия (таких было обнаружено 5 человек) показывают без существенных разногласий, что пострадавшая, высунувшись из окна своей квартиры на 4-м этаже, не менее четверти часа до происшествия плевала в прохожих и бросалась землей из цветочных вазонов. В какой-то момент, перегнувшись через подоконник более, чем позволяла безопасность, покойная не удержала равновесия и вывалилась из окна.

Причиной смерти, по утверждению экспертов, стал многооскольчатый перелом затылочной кости черепа, несовместимый с жизнью.

При осмотре квартиры и бумаг погибшей, мое внимание привлекли два документа. Акт, подтверждающий выигрыш в 200 тысяч долларов в муниципальной лотерее Нью-Йорка с ежемесячной выплатой в течение двух лет, на имя Инги Куценко и приглашенный билет на презентацию нового проекта благотворительного фонда имени Жака де Моле.

Из ближайших родственников погибшей в США сегодня проживают: ее муж Николай Куценко, который оставил жену три месяца назад и переехал в Нью-Джерси, и ее брат-близнец Адам Кодман, проживающий в Ист-Сайде в районе 14-й улицы.

Инга Куценко приехала с мужем и братом на постоянное жительство в США в 1994 г. из Украины.

В том же году она с братом устроилась на работу в книжный магазин близ Юнион-Сквер, где и проработала до последних дней помощником бухгалтера.

Сотрудницами и соседями характеризовалась как вспыльчивый и неуравновешенный человек. Регулярно конфликтовала с партнерами и клиентами, за что находилась под постоянной угрозой увольнения. Спасала высокая квалификация.

Никаких распоряжений относительно финансов покойная не оставила. Если не возникнет новых документов, ее наследство разделят муж и брат.

Обращает на себя внимание тот факт, что в момент несчастного случая брат покойной находился в ее квартире и принимал ванну. Теоретически он имел возможность выбросить сестру из окна, но в этом случае он не смог бы остаться незамеченным.

Считаю дальнейшую разработку дела о гибели Инги Куценко бесперспективной и предлагаю оставить его в рубрике «несчастные случаи» в ведении муниципальной полиции.

2. Перед дорогой

*Нельзя, чтоб страх повелевал уму;
Иначе мы отходим от свершений,
Как зверь, когда мерещится ему
AD. II.46*

Некоторые склонны думать, что главное предсказание Парацельса – это магнетизм Земли. Отрицать тут нечего. Предсказал, и задолго до того, как его, магнетизм, сформулировали.

Но далеко не все знают про главное открытие (или изобретение) Парацельса – подземных гномов⁷. Собственно, в этом филологическом казусе и кроется суть любого эзотеризма: открыл или изобрел? Выдумал или поведал миру?

Вот тут-то трудности и возникают. Поверить в существование гномов несложно, тем более что подавляющее большинство людей их видело собственными детскими глазами. Но поверить, что гномов не существовало до Парацельса – решительно невозможно.

Вот и получается, если гномы открыты ученым, значит, они существовали всегда, и тогда непонятно почему про них никто раньше не вспоминал? Если же они придуманы, и на самом деле не существуют, что тогда видят миллионы детей во всем мире безо всякого гипноза и поощрения?

В общем, как говаривал герой сюжета на рыбоохранную тему одного из провинциальных телеканалов – «Сплошные невыясненные обстоятельства». Получается, что верить в гномов глупо, а не верить – обидно.

Скептики сразу вспомнят про Санта Клауса, Бабу Ягу, Питера Пена... Да, но ведь гномы существуют! И рядить их в добрые или злые все равно, что ругать бультерьера за дурное поведение.

Бенджамин Эплстоун мог, понятно, и не заниматься всеми этими придурочными делами. Уже чего-чего, а работы агенту ФБР в Нью-Йорке всегда хватает. Этот набор непонятных пазлов, которые были очевидны вначале, а теперь превратились в неразрешимый дьявольский кроссворд, просто выводил Бена из себя. Проще было в кого-то стрелнуть. Но стрелнуть было не в кого. Смутные ощущения роились в организме федерального агента. Они напоминали острое пищевое отравление в начальной стадии, первые признаки беременности и стресс малыша, застигнутого друзьями в школьном туалете за занятием онанизмом.

Все, что удалось разузнать Эплстоуну про тамплиеров, Данте, Жака де Моле⁸, никак не приближало его к пониманию замысла преступников. Все схемы, что рисовал в воображении сыщик, неминуемо наталкивались на подлый вопрос: «Зачем?»

Зачем Гоннору с его шайкой понадобилось идти столь длинным путем для легализации каких-то грязных денег? Зачем создавать вокруг сомнительного бизнеса ажиотаж? Зачем привлекать к себе внимание громкими именами и огромными суммами гонораров?

Самыми простыми выглядели три варианта ответа. Либо преступники круглые идиоты и не видят пристального внимания к себе со стороны карательных органов, либо они специально вызывают шумиху вокруг своей затеи, демонстрируя особую дерзость и цинизм, либо в своих действиях эти борцы за историческую справедливость не усматривают ничего криминального.

Ни тщательное изучение личных дел главных заговорщиков, ни движение денег по их банковским счетам, ни повседневные контакты, телефонные разговоры, переписка и покупки в магазинах не давали подсказок, с какой стороны братья за дело.

Эплстоун был убежден, будь у него возможность действовать открыто, он продвинулся бы значительно дальше. Но про официальное расследование с подозреваемыми, допросами, погонями и засадами нечего было и думать. Более того, получи интерес ФБР к деятельности

⁷ Парацельсу приписывают термин «гномы» – от греческого «гнозис» – знание (знание о подземных сокровищах). Но есть и множество иных версий происхождения этого термина.

⁸ Жак де Моле (ок1244–1314) – последний из Великих Магистров Ордена Храма(1294–1314), сожженный в марте 1314 года в Париже как нераскаявшийся еретик.

фонда де Моле огласку – скандал гарантирован. И тогда оторванной башкой Бена современные тамплиеры будут играть в сокер на полянках Центрального парка.

Становилось все очевиднее, что предотвратить преступление не удастся. Придется разбираться с последствиями. От этого полицейская душа Бена разрывалась на части. И вылечить ее не могли ни тайные знания тамплиеров, ни удивительная поэзия Данте, ни йод, ни пиво. Вся американская полиция, все достижения демократии оказались перед угрозой несмываемого позора. И отвернуть эту угрозу было некому. А тут еще смена руководства.

Бенджамин Эплстоун больше всего на свете не любил кошек и людей, делающих выводы без достаточного фактического обоснования. Первые донимали его своей вездесущей шерстью, от которой чесалось в носу и из глаз текли горючие слезы. Вторые – непроходимой тупостью и гротескной претенциозностью, от которых возникало чувство обиды на Создателя.

Если существ первой категории в коридорах ФБР водилось немного, то от обилия вторых порой просто не хотелось жить. Особенно гадко делалось на душе, если они становились начальниками.

Странная штука «начальник». Если он дурак, а вдобавок еще и сволочь (обычно именно так и бывает, потому что дурак-сволочь стать начальником не может по определению), настроение портится моментально. Особенно плохо, если это твой начальник. И совершенно невыносимо, если он только что принял должность и решил «навести порядок» в своем хозяйстве. Причем, предполагается, что до него о порядке вообще никто не слышал и как он, порядок, выглядит, совершенно не представляет.

И можно не сомневаться, что этот «новый порядок» – никакой и не порядок, а блажь и запугивание молоденьких секретарш, вся работа которых заключается в том, чтобы как можно убедительнее бояться шефа.

Тем же, кто занят делом, некогда обращать внимание на то, в каком виде их рабочий стол, сколько часов надо отсидеть в офисе, чтобы тебя не ругали: «Вас никогда не бывает на месте, особенно, когда вы нужны». На несоответствие «никогда» и «особенно» уже никто внимания не обращает. И им подавно наплевать какого цвета обувь у коллеги. Потому что они заняты делом.

Но начальника – дурака и сволочь, который любит делать выводы без достаточного обоснования, ваши дела не интересуют. Все попытки объяснить, что ваше дело в такой же мере и его, успеха не имеют. Устраивается публичная выволочка за десятиминутное опоздание к официальному началу рабочего дня, летят громы и молнии по поводу неубранных стаканов из-под кофе, раздаются «последние предупреждения» в смысле счетов за неправильную парковку служебных автомобилей. И все это ужасно портит настроение.

А с плохим настроением хорошо работать может разве что заплечных дел мастер. Да и там, пожалуй, без вдохновения скучно...

Вот нехитрые доводы в пользу тезиса, что начальники-дураки вредны. Ни один начальник-дурак с этим спорить не станет, а всячески поддержит, поскольку дураком себя не считает...

Эплстоун как всегда опаздывал на работу. Сегодняшнее опоздание было особенно неприятным, поскольку он был приглашен знакомиться с новым начальником, о назначении которого Бен узнал вчера ближе к вечеру, получив приглашение явиться к десяти утра.

Было уже почти десять, по радио вот-вот должны были начаться новости, а до серой громадины дома № 26, что на Бродвее, куда направлялся агент, при самом хорошем раскладе ехать еще минут пять...

Удивительно, но в приемной никаких признаков обновления интерьера не наблюдалось. Миссис Пипс, пережившая в своем секретарском кресле уже четверых командоров, поливала цветы в горшках.

Ее возраст всегда вызывал споры среди посетителей. Некоторые утверждали, что месяц назад ей исполнилось тридцать семь. Другие настаивали на том, что ей никак не меньше пятидесяти пяти. Бесспорным было то, что миссис Пипс работала в офисе дольше всех.

– Вас давно ждут, – как бы между прочим сообщила секретарша и вернулась к общению с геранью.

Не ожидая ничего хорошего, агент робко, но с достоинством, переступил порог кабинета. Почему-то Бен совсем не сомневался, что за дверью его ждет дурак и сволочь.

Нового шефа звали Эрик МакНи.

– Дружище, почему бы нам не позавтракать? – спросил новый начальник. – Что вы думаете о кафе на шестом этаже?

На шестом, так на шестом. Хорошо, что вообще разговор начинается с питания. Эплстоуну сделалось приятно, что его не отругали за опоздание.

– Скажу вам сразу, Бен, я не собираюсь устраивать кардинальных перемен в вашей жизни. Вы профи, а я залетный от политики. Если начну активничать, наверняка только испорчу мнение о себе. Я – менеджер, и для меня главное, чтобы о нас говорили хорошо. Пресса, начальство, общественные организации, депутаты, домохозяйки, кто угодно. Даже преступники. Для меня неприемлемы три вещи: сокрытие важной информации под предлогом «утро вечера мудренее», коррупция и агенты, дающие интервью. С сегодняшнего дня вся свобода слова в нашем отделе строго регламентирована. Мной. Это мои условия. Теперь я готов выслушать ваши. Сразу оговорюсь, продолжительность отпуска, страховка личных автомобилей, которые используются в служебных целях и право парковаться, где заблагорассудится, в мою компетенцию не входят.

Странное чувство охватило Бена. В какой-то момент ему даже показалось, что его новый начальник совсем не дурак. Столь крамольная мысль вызвала у агента сильное потовыделение, и он подумал, сколь искушен бесовский промысел! Очевидно, дураки нашли способ выглядеть умными. Причем, так убедительно...

Ни про какие условия Эплстоун, естественно, говорить не стал. В подобных ситуациях лучшее, что можно сделать – слушать. Без особого подбострастия и без явного скепсиса. Слушать так, будто ты находишься на концерте не очень любимой, но все же признанной оперной звезды.

– Я просмотрел ваши текущие дела и в принципе остался доволен. Статистика не выходит за дозволенные рамки. Возникла пара вопросов, но, думаю, вы легко дадите на них ответ. – Шеф сморщил нос, собираясь чихнуть. Но не чихнул.

«Начинается... – подумал Бен. – Сейчас спросит про Фонд Жака де Моле».

– Пожалуй, единственной настоящей загадкой для меня осталось дело по Фонду Жака де Моле, – подхватил шеф печальные думы Эплстоуна. – Тут я сдаюсь. Ни одного внятного объяснения я не нашел. Расскажите?

– Разумеется. Ко мне попала информация о том, что эти современные рыцари, совсем не рыцари, а жулики и бандиты. Источник сомнений не вызывал. Сообщалось, что готовится махинация по отмыванию нескольких десятков миллионов долларов. С самого начала все казалось достаточно простым. Теперь так не кажется. Расследование в явном тупике. Там совершенно не за что зацепиться. По бухгалтерии все идеально. Плюс столько знаменитостей...

– Почему мы, а не министерство финансов?

– Там были подозрения на похищение людей и возможное убийство. Это я настоял на открытии дела. И если бы мне не связывали руки, я бы этих любителей истории уже крепко бы держал за... Но мне запретили даже наружное наблюдение. Мне никого не дали в помощь. Дело просто валили. Теперь тупик.

– Если бы вам не связывали руки, вас бы давно уволили. Какие предложения?

– Думаю повертеть его еще недели три. Ожидаю ответы на запросы по заграничным счетам, посмотрю, что разведают наши люди, близкие к этому бизнесу... Если ничего не накопает, спишем дело в архив и будем ждать случая. Когда-нибудь они проколются. Стыдно, конечно, но это меньшее из зол. По крайней мере, скандала не будет.

– Ладно. Но никакой огласки. Даже намеком чтобы Фонд не звучал. Расследуйте смерть Куценко, нарушение пожарной безопасности, превышение скорости, распитие пива на улице – все что угодно, но никаких международных фондов, никаких мюзиклов, никакого Данте. Если меня об этом спросят, я накажу вас за самоуправство и сокрытие от руководства важной информации. Договорились?

Эплстоун остался в итоге доволен: новый шеф совсем не дурак, хоть и сволочь первостепенная. И, слава Богу.

3. Врата Ада

*Древней меня лишь вечные созданья,
И с Вечностью пребуду наравне.
Вошедшие, оставьте упованья
AD.III.7.*

Профессор позвонил вечером.

– Дорогой Гарри, я поздравляю вас с днем рождения и прошу немедленно прибыть ко мне.

– Профессор, – начал было я, – уже десятый час. Возможно завтра...

Но меня уже не слушали. Деваться было некуда. Если профессор просит прибыть немедленно, это может означать, что в вашем распоряжении остается время только на дорогу. Желательно на такси. А это, по самым скромным подсчетам, никак не меньше двадцати баксов.

Профессор Ярви Янсен был моим научным руководителем, и вся моя университетская стажировка в Штатах, которая длилась уже больше двух лет, целиком и полностью зависела от него. Трижды в неделю я должен был являться пред его ясны очи и сообщать о своих успехах. Кроме того, в мои ассистентские обязанности входило ковыряние в интернете и высиживание в библиотеках по темам, которые определял шеф.

Диссертация моя была закончена, и я мог смело настаивать на защите. Но Янсен с этим не торопился. Во-первых, потому что у профессора никак не доходили руки, а во-вторых, как я полагаю, отпустив меня, он потерял бы половину из имеющейся у него рабской научно-литературной рабочей силы. Второй составляющей этой силы был мой коллега по несчастью аргентинец Алонсо Родригес. Алонсо жил в Штатах уже шестой год и с написанием диссертации совсем не торопился. Правда, Родригес довольно часто отлучался на родину по семейным делам и отсутствовал порой месяцами. Так что мою составляющую рабсилы можно увеличить до двух третей.

Я на жизнь не сетовал. В общем и целом на поручения профессора я тратил не более двадцати часов в неделю. Остальное время посвящал зарабатыванию денег в журнале «Русский бизнес», где за первые три месяца работы мне удалось пройти путь от корректора до литературного редактора. До меня такой должности в редакции не было. Да и работа мало чем отличалась от предыдущей. Но карьерный скачок был очевидным. Чего не скажешь о зарплате.

Профессор Янсен приехал из Исландии десять лет назад, уже будучи известным специалистом в области европейской литературы позднего Средневековья. За прошедшие годы он так умело распорядился своими знаниями, что слыл в своих кругах непререкаемым авторитетом.

Да и нам с Алонсо перепало от славы шефа, особенно когда тот уезжал на многочисленные симпозиумы и семинары. С нами консультировались, на нас обращали внимание, мы принимали тесты у студентов. И студенток. Главное, мы могли располагать собой и не вздра-

гивать от поздних телефонных звонков. Именно в такие минуты я мог работать над диссертацией, не оглядываясь по сторонам.

Судя по всему, нас опять ожидала разлука с драгоценным шефом.

– Дорогой Гарри! Вот вам мой подарок. Извините, вчера до вас я не дозвонился.

Профессор протянул мне опутанную ленточками и цветной фольгой коробку, в которой оказалась трубка мобильной Моторолы.

– Профессор, спасибо, – начал было я, чувствуя себя почти счастливым, – но стоило ли...

– Стоило, стоило. Во-первых, вас вечно невозможно вызвонить, когда это необходимо. А во-вторых, перестаньте обращать внимание на мелочи. У нас есть чем заниматься. Доставайте блокнот и записывайте.

Я повиновался.

– В будущий понедельник я лечу в Мадрид. Там я пробуду, самое меньшее, три недели. Кроме прочей текучки, у нас остается статья про Абеляра⁹, которую надо сдать через неделю. Во вторник, самое позднее, в среду, я жду от вас факс для правок. И, пожалуйста, не вылезьте за десять страниц...

– Но Абеляром занимался Алонсо! – искренне возмутился я. – У меня и материалов нет...

– Материалы на моем столе. У Алонсо что-то с бабушкой. С какой-то из бабушек. Он улетел домой. Да и что за проблемы? Там все практически готово. Пересмотрите свежим глазом и отфаксуйте. Работы на два часа. Потом внесите правки и сдайте в срок. О чем тут говорить? Перестаньте капризничать.

– Профессор, я ничего не имею против родственных чувств Алонсо, но это третья статья с начала года, которую я пишу за него. У меня своей работы навалом...

– Пишу статьи, Гарри, я. А не вы или Алонсо. Вы мне помогаете. И очень хорошо, что вы помогаете больше, чем Родригес. Ведь вы у нас юное дарование. Вам и карты в руки.

– Ничего себе юное! Мне вчера исполнилось тридцать пять. А Родригесу, между прочим, нет и тридцати...

– Не кокетничайте, Гарри. Вы выглядите значительно моложе.

Я смирился, тем более что никаких встречных предложений у меня не было. Статью надо было сдавать, и кроме меня сдавать ее было некому.

– Да, вот еще, – словно вспоминая что-то малозначительное, продолжал Янсен. – Меня пригласили консультировать мюзикл на Бродвее. Ничего сложного. Надо присутствовать на нескольких репетициях и высказать свое «фэ». Свяжитесь с ними и отфаксуйте мне предложения. Они решили сделать спектакль к семисотлетнему юбилею событий, описанных в «Божественной комедии»¹⁰. Причем, ставят они пока только «Ад». Не работа, а сплошное удовольствие. Треть гонорара ваша. Это примерно десять тысяч. Каково?

– Хорошие деньги, – согласился я, – а если они будут глупости ставить?

Янсен задумался. Или мне это показалось.

– Глупости? Что вы имеете в виду? Ах, ну да. Начнут настаивать на том, что сценическая правда и историческая правда не одно и то же, а спектакль – продукт режиссерской фантазии? Посылайте их к черту. Или подальше. В афише – я консультант. И не хочу, чтобы надо мной смеялись коллеги. Будьте принципиальны, но вежливы. Деньги хорошие. Потяните время, поморочьте им голову. Вернусь – разберемся.

Я, конечно, понимал, что ни в чем мы не разберемся, даже когда профессор вернется. Весь этот хлам придется вывозить мне. Но десять тысяч на дороге не валяются. И это всего за

⁹ Абеляр, Петр (ок. 1079–1142), французский философ и теолог-схоласт.

¹⁰ Принято считать, что путешествие Данте начинается утром Страстной пятницы, 8 апреля 1300 года.

пару репетиций. Кроме того, Данте был моей темой, и никаких трудностей в этом смысле не предвиделось. Я сделал задумчивый вид и через десять секунд утвердительно кивнул.

– О'кей. Что будете пить?

– Водку, профессор.

Ярви Янсен устал принимать решения за других. Он вообще устал принимать решения. Ему хватало проблем со вторым Лионским Вселенским Собором¹¹. Тему на него взвалил дополнительной нагрузкой деканат, не сумевший отбиться от заказа какого-то экуменического центра. И период был не его, и тема, честно говоря, так себе. В последнее время профессор топтался на месте, от чего мучился и мучил нас.

– Ну, объясните мне вы, выходец из страны ортодоксии, какого рожна не хватало вашим адептам? Что им было делить с Римским престолом? – Янсен тербил свою жидкую шевелюру без особого возбуждения.

Мы сидели в уютных креслах и пили вкусный алкоголь. Зная склонность профессора к риторическим вопросам, я не реагировал.

– Нет, ну какого черта? Теперь полная сумятица. Этот собор признаем, тот не признаем... Хасиды же ваши в доктрине ничего не меняли¹². Хотя могли бы. Уж там раздолье! А ведь не стали. Спрятались в свою ракушку и почивают в ней доныне.

– Территории... – лениво буркнул я, понимая, что моя часть диалога уменьшается с каждой выпитой рюмкой.

– Бросьте вы! Территория! Еще скажите «власть». Для территорий вам нужен был Ислам. Вот уж где и тенденция к оседлости и неприкасаемость собственности. Нет. Дело в другом. Никакой политикой это объяснить невозможно. Православные, хасиды, греко-католики... Даже Лангедок¹³ меркнет. Ваша Украина позволила себе то, чего не смог позволить никто. Просто какой-то разгул вседозволенности.

– Контроля мало. Придумывай что хочешь...

– Так и придумывали бы! Ведь ни единой сколько-нибудь заметной мысли. А почва-то какая! Зависть берет. В течение шести столетий ни одного мирного года. Впрочем, нет. Вру. Десятка три лет наберется. – Профессор жадно отхлебнул из стакана. – Вам бы Платонов да Абельяров рожать через год. А ведь никого!

– Все уехали в Европу, – пошутил я.

– Ну и где они в Европе? – профессор понял шутку, но поддержать ее отказался.

– Не сохранились, – ляпнул я, чтобы отвязаться.

– Не сохранились, – передразнил меня шеф. – Да нечему было сохраняться. Вот в будущем году мы непременно отправимся с вами в Киев. Я просто заболел вашей страной. Такие возможности и полное отсутствие результата! И не говорите мне про Ойкумену. У вас просто мозги навыворот. Ладно, мы, варяги... – Тут Ярве Янсен поперхнулся выпивкой и закашлялся. – Слышали, кстати, последний шедевр Хейердала? Протоукраинцы – прямые предки

¹¹ Второй Вселенский Лионский Собор (1274 г.) известен в первую очередь тем, что на нем впервые за почти 500 лет после Второго Никейского Собора (787 г.) была произведена попытка объединить римское и византийское христианство в единую церковь. Попытка не удалась. Восточные христиане до сих пор не признают Второй Лионский Собор, равно как и все другие, прошедшие после Второго Никейского, положившего официальный раскол Церкви.

¹² Хасиды – религиозное мистическое учение, основанное в середине XVIII века Израэлем Бен Елиезером из Меджибоша (1700–1760). Очень быстро распространилось в Центральной Украине и проникло в Европу. Бен Елиезер, которого еще называли Баал Шем Товом, учил постигать тайны каббалы изучая язык птиц, животных, деревьев, камней и звезд. Такой подход и аскеза последователей хасидизма дают повод для сравнения Баал Шем Това со святым Франциском Ассизским. До появления хасидизма еврейской мысли был присущ рационализм и приверженность букве религиозного закона, хотя черты хасидского учения можно проследить с очень давних времен, поскольку элементы мистицизма можно найти в иудаизме уже в позднебиблейский период.

¹³ Лангедок – провинция на юге Франции с центром в г. Тулузе. В XIII веке из Лангедока стала распространяться катарская ересь, давшая повод Альбигойским войнам.

викингов! Будто они сперва завоевали Украину, потом Скандинавию и потом вернулись назад. У кого они отвоевывали Украину первый раз ему не известно. Скорее всего, ни у кого, потому, что это было так давно, что найти тогда противника было труднее, чем его победить. Совсем старик в маразм впал. Если я доживу до подобных открытий, пристрелите меня.

Соблазн был велик, но ничего огнестрельного под руками не оказалось. Я плеснул еще водки в стаканы.

– Какого цвета была кожа у воскресшего Христа? – Профессор пожевал губы, и ответил на собственный вопрос: – Не знаете. И я не знаю. А всякое чудо обязано иметь анатомическое подтверждение. Иначе это не чудо, а миф.

Любовь профессора Янсена к Украине уже давно не давала мне покоя. С одной стороны, лестно, когда твоя родина вызывает у научного светила столь неподдельный интерес. С другой стороны, не возникало никаких сомнений, что визит профессора Янсена в Киев обернется настоящим скандалом. Поэтому моя скромная роль ассистента при модном американском профессоре превращалась для Украины в некую защитную функцию, некий буфер между агрессивными космополитами и благодушной провинциальной страной, «державшей щит меж двух враждебных рас».

Водка хороша, когда она в меру...

Профессор выглядел уставшим. Щеки оползли к нижней челюсти, мешки под глазами пузырились чем-то фиолетовым, глаза походили на раздавленные вишни. Лоб и нос профессора покрывал растопленный жир, вытекший из кратерообразных пор.

Мне стало жалко Ярви Янсена. В сущности, ничего плохого он мне не сделал. Если не считать того, что хорошего сделал меньше, чем мог.

Импulsивный, увлекающийся старик. В данную минуту он увлекся Украиной. Его занимала моя страна. А обо всем, что его занимало, он мог говорить часами.

Профессор неприлично ковырялся в носу. Он вообще не очень следил за нормами поведения. Он мог во время лекции громко чихнуть, после чего вытереть забрызганный стол рукавом пиджака. Или громко пукнуть в пустом коридоре. При этом он тщательно следил за ногтями, регулярно посещал стоматолога и следовал последней моде. Сейчас он был одет в дорогую твидовый пиджак, потертые джинсы и синюю футболку с широкой надписью «Вирджиния».

По окончании водки профессор достал из холодильника бутылку «Джонни Уолкер» и смачно хрустнул крышкой.

– Надо бы запретить все алкогольные напитки слабее сорока градусов, – изрек шеф, разливая виски по стаканам, – от всяких вин, пив, коктейлей и прочей ерунды, случается горькое похмелье и разврат. Разврат случается также и от крепких напитков, но вкус их противен нежному возрасту. Потому и разврата среди молодежи резко поубавится.

– Ой ли, – лениво возразил я, – они найдут, чем себя развлечь и без ваших старорежимных возбудителей.

– Нет! – в сердцах возмутился профессор. – Не называйте благородные напитки возбудителями. С их помощью мы снимаем с организма вредоносный смур. Чем протирают контакты? А что не замерзает на морозе?

– Соляной раствор.

– Враки! Соляной раствор тоже замерзает. А не замерзает спирт. И вред от него только пьяницам. Если вы не будете пить спирт, у вас в животе заведутся глисты.

– Это анекдот такой.

– Пусть анекдот. Но пиво надо запретить!

Мы выпили еще по маленькой, и я начал собираться.

– А ведь знаете, Гарри, тамплиеры совсем не способствовали развитию литературы. И все эти ваши изыскания по поводу Данте и храмовников, скорее всего, обречены на неудачу. Герметизм ордена всегда будет в конфликте с открытостью литературы.

– Но ведь Данте похоронен в рясе тамплиера¹⁴. И это факт.

– Вы что, там были? Я думаю, это вранье. Вся их сила была в деньгах. И никакой другой силы у них не было. Была бы другая сила, их бы так просто не одолели. Убогий Франциск Ассизский¹⁵ заткнул их за пояс своей верой со всеми их замками и богатствами... Да и где бы Данте раздобыл рясу тамплиера? К тому времени они все повывелись.

Ярви Янсен выглядел растерянным и обиженным. Мне показалось, что он сам не хотел соглашаться с тем, что говорил. Я попытался ему помочь.

– Вы сами ругаете меня за упрощение.

Профессор подумал и уже совсем другим тоном, прощаясь, сказал:

– Потому что я старый дурак.

4. Некрещенные младенцы

... не спасут

Одни заслуги, если нет крещения,

Которым к вере истинной идут;

AD.IV.34.

Дома мы с Адамом никогда не были близкими друзьями. Хорошие знакомые, не более. Но чужбина сближает.

Впервые после его эмиграции мы увиделись в книжном магазине, где Адам зарабатывал на хлеб. Там же я вновь увидел Ингу.

За годы, прошедшие с тех пор, когда между нами был недолгий, но бурный студенческий роман, она настолько похорошела, что в первую минуту я даже растерялся. Мне сделалось не по себе оттого, что я знал эту женщину каких-то пятнадцать лет назад. Знал во всех смыслах. Это была стройная волоокая брюнетка с манящими губами и обезоруживающей линией бедра. Ее хотелось кушать.

Вплоть до того момента, пока она не заговорила. После первых же звуков, которые выпустил из себя ее плейбойный рот, мне сделалось кисло. Я вернулся в разряд тех мужчин, для которых женщины – это только женщины.

Уж не помню, что она тогда сказала. Наверное, поздоровалась. Но это не имело значения. Слово – не воробей...

В тот вечер мы немного выпили. Поболтали о том, о сем и разошлись. С Адамом, правда, я перезванивался. Большею частью по поводу книг. Однажды сбросил на него какую-то работу по журналу. Адик не подвел.

Потом я узнал о смерти Инги. Не помню, что было раньше – прочитанный в газете некролог или скорбный звонок брата. Помню, что меня это как-то мало тронуло. Я почувствовал себя свиньей и, конечно, пришел на похороны.

Похороны были малолюдными и быстрыми. Соседи, несколько коллег, далекие знакомые. Именно на похоронах я понял, что сейчас для Адама я, пожалуй, самый близкий человек на земле.

¹⁴ Есть легенда, согласно которой, в гробу Данте был опоясан францисканским шнурком. Про тамплиеровские одежды ничего найти не удалось. Даже на уровне слухов. Более того, нет достоверных свидетельств каких бы то ни было контактов поэта с храмовниками.

¹⁵ Святой Франциск из Ассизы (1181 или 1182–1226) – основатель первого нищенствующего монашеского Ордена, который до сих пор носит его имя; известен в первую очередь тем, что основывал свои проповеди на беззаветной жертвенной любви к Богу через любовь к его творениям.

Поминали Ингу втроем. Я, Адам и непутевый вдовец, оставшийся после Инги, Коля. Коля очень быстро напился, а мы с Адамом сидели допоздна. Много вспоминали, даже шутили.

Дома мы вместе учились. Я на филологическом, Адам – на историческом. Вместе играли в КВН, ездили в колхозы, гуляли на вечеринках. Как-то даже играли вместе в футбол за институт. Помнится, проиграли.

Адам чуть не женился на барышне из моей группы. Хотя очень может быть, что слухи о женитьбе распустила по институту сама претендентка. Такое у нас водилось. После института мы почти не виделись.

Однажды, отбывая срок почетной обязанности в рядах Красной Армии, во время каких-то учений, мы столкнулись на полигоне и даже успели выкурить по сигарете. И потом, уже занимаясь наукой, я приехал в родной город на побывку и нарвался на празднование очередной годовщины окончания Альма Матер. Историки веселились в том же ресторане. Напились. Разъезжаясь по домам, я оказался с Адамом в одном такси. Мы решили продолжить... Когда речь утратила ясность, и пагубные желания завладели нашими душами, мы поехали искать «телок». «Телок» мы так и не нашли. Должно быть, они уже спали.

Вот, пожалуй, и все...

Адам был классическим семитом с курчавой головой и безукоризненным прошлым. Школа, институт, армия, школа, институт, коммерческие структуры, выезд на ПМЖ. Октябрьенок, пионер, комсомолец, рядовой, учитель, аспирант, младший преподаватель, коммерческий директор, беженец, олим. Самым странным в этом ряду было «коммерческий директор». Адам был невысок, коренаст и упруг, как бывают упруги коты или рыбы. У него был низкий морщинистый лоб, короткий подбородок, редкие зубы и отчаянное обаяние. С ним хотелось водиться.

Наверное, это бывает у многих двойняшек – взаимная компенсация. Внешняя неприметность, романтизм и обаяние Адама с лихвой компенсировала Инга своей удивительной статью, склонностью к цифрам и неумением общаться с людьми.

Они по-своему любили друг друга. Может быть, даже больше, чем это положено брату и сестре. Были очень похожи и в то же время разнились, как антиподы. Горой стояли друг за друга перед чужими и сваливали вину друг на друга перед родителями. Они почти никогда не расставались, мечтая разъехаться в разные концы земли.

Их родители умерли в один год, когда близнецам исполнилось двадцать два.

Дипломная работа Адама, как и последующие аспирантские усилия, была посвящена Жолде Красноглазому, одному из самых парадоксальных личностей гайдамацкого движения юго-западных окраин Украины.

Ничего толком из Адамовых изысканий не вышло, поскольку гайдамаки всегда были плохосоотносимы с интересами Истории. Но Адам с поразительной настойчивостью пробивал тему Жолды, очевидно, находя в ней нечто такое, что оставляло смысл для усилий.

Жолда и вправду выбивался из ряда своих коллег хотя бы тем, что пытался подложить под все свои безобразия философскую основу.

Где-то я вычитал, что работа археолога очень напоминает работу психоаналитика. Вгрызаясь в породу, слой за слоем пробиваться к изначальному. Как Шлиман, раскапывая Трою, и Фрейд, копаясь в подсознании своих пациентов. Важно верить в правильность направления.

Так же и Адам возился со своим Жолдой, то теряя, то вновь находя оправдание существованию его в своей жизни. Слой за слоем. Эта слоистость завораживала Кодмана своей непредсказуемостью.

В сущности, интересовал его не столько сам Жолда, как открытия, связанные с его личностью. И никаких выводов. Ничего, что бы хоть отдаленно напоминало работу ученого-историка. Скорее это походило на творчество кулинара, который ищет гармоничное сочетание

вкусов и ароматов. Да и руководствовался в своих исследованиях он не столько научной методологией, сколько определенным ритуалом. Как епископ Адемар¹⁶, пообещавший крестоносцам, окружившим Иерусалим и уже потерявшим надежду на успех, что город падет, если осадное воинство с мольбой обойдет крепостные стены по периметру. Но проделать это надо непременно босиком. Крестоносцы последовали его совету, и спустя несколько дней Иерусалим пал. Вероятно, что Иерусалим пал бы и без этой демонстрации набожности, но Истории это уже не касается. Она оперирует фактами. Даже если они удивительны.

5. Сладострастники

*И я узнал, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.
AD. V.37.*

Историография, которая упоминает о Жолде, сбивчива и противоречива. У историков нет единого мнения ни о дате рождения, ни о национальности, ни даже об истинном имени этого разбойника. Так, Зелинский, выдающийся польский историк, едва ли не лучший из исследователей Правобережной Украины XVII–XVIII веков, в «Пограничных очерках Речи Посполитой», изданной в Кракове в 1799 году, называет его Яном. А Роллер, профессор Яского университета, знаток истории Валахии, равных которому нет, то ли из романтизма, то ли для пущей экзотики – Романом.

Впрочем, все сходится в одном. До гайдамачины Жолда числился реестровым казаком у подольских магнатов, вероятнее всего, у шаргородского сотника Станислава Ланскоронского, хотя и это утверждение легко подвергнуть сомнению.

Объяснить такую скудность и противоречивость информации не сложно. Тому есть, как минимум, три причины. Во-первых, история гайдамаков среднего Поднестровья вообще плохо изучена, если не сказать, что не изучена совсем. Ни один из здешних гайдамацких ватажков не удостоился сколько-нибудь серьезного жизнеописания. Хотя многие из них в свое время если не определяли судьбы южных территорий Речи Посполитой, то, по крайней мере, заметно влияли на них. Пожалуй, единственным исключением стал Устим Кармелюк, который относительно удачно вписывался в образ настоящего украинского героя – защитника бедных и ревнителя веры. Хотя, и первое и второе так же похоже на правду, как корова на Луну. При желании и достаточной фантазии можно, конечно, найти определенное сходство, но этого надо очень сильно захотеть.

Во-вторых, практически не сохранилось воспоминаний современников о Жолде. Единственный абзац в книге турецкого путешественника Фазиля Сурума, где турок, ссылаясь на свидетельство безымянного венгерского купца, побывавшего в плену у Жолды, и чудом избежавшего смерти, выглядит малоубедительным и совершенно не объясняет ни изощренной жестокости разбойника, ни мотивов, побудивших Жолду стать гайдамаком. Все, что удалось запомнить удачливому купцу: «шайка насчитывала около полусотни сабель» и что «главарь был крупным безбородым человеком с красными, как от недосыпания или пьянства, глазами». Вспоминает венгр также о том, что Жолда мог поддерживать разговор на польском и молдавском языках. Со своими бандитами он говорил по-украински. Разбойник был смугл и при ходьбе хромал на левую ногу, крестился по-православному и жевал ус.

¹⁶ Адемар Монтейский, епископ Ле-Пюи, в качестве папского легата участвовал в Первом крестовом походе. Умер при осаде Антиохии в 1098 году.

Прочие же источники, засвидетельствовавшие существование Жолды на белом свете, ограничиваются упоминанием этого имени в связи с разграблением какого-нибудь подольского местечка или нападением на купеческий обоз.

Кроме того, и это странно, Жолда практически не упоминается тогдашними официальными властями. Ни польская, ни молдавская Канцелярии не удостоили Жолду вниманием, достаточным для того, чтобы потомки могли составить хоть сколько-нибудь внятное представление о его деятельности.

И третья. Народная молва превратила Жолду Красноглазого в существо почти легендарное, и жизнь его – предмет изучения не столько историков, сколько фольклористов.

Очевидно, что Жолда, как и многие его коллеги, имел все шансы навсегда исчезнуть из памяти потомков, одновременно со смертью последнего, знавшего его лично. Таких было в свое время немало, правда, большинство из тех, кто был знаком с Жолдой, умерли раньше его.

Теперь уже невозможно с точностью установить, где похоронен гайдамак, если его прах вообще был предан земле. По одной из легенд тело, расчлененное на множество частей, было попросту сброшено в Днестр, чьи быстрые воды унесли с собой тайну Жолдиной смерти. По другой – его сожгли живьем, заложив вход в пещеру хворостом и дровами. Согласно третьей легенде, он вообще не умирал, а ушел через Дыры к центру земли.

В этой истории немало загадочного, почти мистического, способного оживить фантазию самого унылого мытаря, проверяющего нынче поклажу путников на переходах Украина-Молдавской таможни в среднем течении Днестра, где Жолда в последний раз увидел солнечный свет. Или что он там увидел...

Рахманова гора, что лежит между Красным порогом и Татарским Копчиком, давно уже носит другое имя, и даже местные старожилы с уверенностью не скажут, какая именно из этих гор называлась Рахмановой¹⁷. Сегодня горы, расположенные на левом берегу Днестра от Могилева до Ямполья, настолько испещрены всевозможными пещерами и катакомбами, что отыскать среди них Жолдины Дыры не представляется никакой возможности.

6. Чревоугодники

*Мы тихо шли сквозь смешанную грязь
Теней и ливня, в разные сужденья
О вековой жизни углубясь.
AD. VI. 100.*

Ночь могла бы быть и приветливее. Учитывая все, что я знал про нее. Во-первых, я знал, что ночь это никакая не ночь, а обыкновенная часть цикла вращения Земли. Если бы глупые монахи, которые заставляли Галилея отказаться от гелиоцентризма, знали, что мучают старика из-за сущих пустяков, им стало бы стыдно¹⁸. Галилей, произнесший на суде совершенно дурацкое отречение от очевидного, попросту смеялся над бедными монахами.

Если не брать в расчет того, что ночь несомненно отличается от любого другого времени суток меньшей освещенностью, а также того, что она дает возможность комфортного существования различным зверушкам, которые плохо переносят солнечный свет, ничего особенного в ночи нет.

¹⁷ Про Рахманову гору я впервые услышал от киевского телевизионного режиссера Владимира Василенко. Василенко тогда готовил экспедицию по съемке документального фильма об экологии Днестра. По версии Василенко гора получила свое название во время Первой мировой войны и обязана им австрийскому капитану от артиллерии Гансу Рохману, который удерживал эту стратегическую высоту долгое время. Впрочем, Василенко и сам не знал которая из гор Рахманова.

¹⁸ Галилей Галилео (1564–1642), итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания, поэт, филолог и критик. Под давлением инквизиции был вынужден отказаться от гелиоцентрических взглядов Коперника, которые разделял. Официально церковь придерживалась геоцентрического принципа устройства Вселенной, где центром является Земля.

Понимая все это, я, тем не менее, чувствовал себя гадко. Решив сэкономить на такси, я поперся через полгорода пешком. Решение это было сродни тому, которое приняли глупые монахи, обозлившись на Галилея. Старика я еще могу понять. Какой смысл корчить из себя героя, если «она все равно вертится». Что бы ты ни придумывал, законов природы не изменить. Тем более что тюрьмы у жителей средневековья были те еще. Никаких отдельных камер в них не предполагалось. Будь ты хоть министром, хоть депутатом парламента, тебя в любом случае упекут, как самого последнего еретика, в общий зал, прикуют цепью к стене (еще хорошо, если не на короткий поводок, на котором ни лечь, ни сесть возможным не представляется) и даже не подумают прогуливать на свежем воздухе по сорок минут в сутки. И никакому омбудсмену не пожалуешься. Поскольку его не найти.

Вот уж где день и ночь приобретают абсолютную условность и влияют только на настроение тюремщика. А хуже всего, если посадят тебя в «каменный мешок», это такой своеобразный канализационный люк, куда стекают все нечистоты от жизнедеятельности коллег по заточению. Вот уж где точно жить не захочется. Не то что отстаивать гелиоцентрическую природу Вселенной¹⁹...

Город выглядел враждебно. Из закоулков выглядывали кошки и, мяуча, планировали государственный переворот. С них станется. Бездомные мужчины, укрывшиеся картонками, не поспешили бы мне на помощь, реши кошки начать воплощение своего коварного плана с меня...

Группа молодых афроамериканцев, занявших весь тротуар, окружила огромных размеров переносной магнитофон и под непристойные выкрики из динамиков лениво выплясывала своеобразную кадрили. Люди переминались с ноги на ногу, выбрасывая вперед руки со сжатыми кулаками, страшно тряся головами и периодически хлопая в ладоши. В центре компании находился рослый негр с обнаженным торсом и женскими колготками на голове. В каждую «штанину» колготок был помещен надутый презерватив, отчего «штанины» выглядели как заячьи уши. На верхушке каждого уха были приделаны лампочки от елочной гирлянды. Незаметными проводами лампочки соединялись с батареей в кармане танцора, а замыкающие контакты помещались в обуви веселого негра. Всякий раз, когда весельчак надавливал на каблук ботинка, соответствующая лампочка начинала радостно мигать, вызывая восторг у окружающих. Таким образом, танцор, похожий одновременно на рождественскую елку, сумасшедшего зайца и океанский лайнер в непроглядной ночи (подумалось про «Титаник») дал мне возможность пройти мимо веселой компании незамеченным.

Другим знаковым моментом по пути к дому был суровый полицейский, призвавший меня в свидетели по поводу того, что некое лицо без определенного места жительства только что нагадило на тротуар. Мне предлагалось засвидетельствовать кучу дерьма на асфальте и то, что бомж, коему вменялось в вину авторство этой кучи, совершенно пьян. Бомж и вправду был мертвецки пьян, но было ли дерьмо делом его рук (или чего-то там еще), я подтвердить не смог, поскольку самого процесса не наблюдал. Полицейский не стал настаивать и посоветовал мне быть поосторожней. Я не возражал.

Уже возле дома меня окликнули. Голос показался знакомым. Да и обратились по имени.

– Я вас жду уже два часа, – с явным неудовольствием заявил мужчина в светлом плаще с поднятым воротником.

– Мы договаривались о встрече? – В первую секунду я подумал, что это кто-то из студентов профессора.

– Бенджамин Эплстоун. ФБР, – отрекомендовался поздний посетитель.

¹⁹ Все эти ужасы совершенно неуместны. Во время всего процесса инквизиции над ученым с апреля по июнь 1633 года, Галилей находился под защитой своего близкого друга – папы Урбана VIII, в чьих покоях и жил. И последние 9 лет своей жизни ученый провел под домашним «арестом» на собственной вилле близ Флоренции. Уместнее говорить про духовные и творческие муки великого ученого, а не про угрозу физических страданий.

Я удивился, но не сильно. Алкоголь и долгая дорога притупили во мне все чувства, кроме сильного желания спать.

– Очень приятно. Чем могу быть полезен? – приветливость в голосе мне удавалась плохо. – Надеюсь, вы не будете меня арестовывать?

– У меня к вам всего один вопрос.

– Я согласен отвечать при двух условиях. Мы никуда не поедим и вы дадите мне сигарету.

Мои кончились.

Агент достал пачку «Мальборо» и протянул ее мне. Я счел условия выполненными.

– Меня ноги не держат. Пойдемте в дом.

– Этого не надо. Я отниму у вас не более минуты.

Тут он, конечно, соврал. Общались мы никак не меньше четверти часа. Во всяком случае, я выкурил три сигареты и почувствовал, что силы меня покидают.

7. Скупцы и расточители

И этой рожге, вздувшейся от злобы,

Он молвил так: «Молчи, проклятый волк!

Сгинь в клочотаны собственной утробы!»

AD. VII. 7.

Все, что может изменяться, обязано измениться. Ну и что из того, что Земля наша старше на тридцать миллионов лет, чем предполагалось ранее. Пусть ей не четыре с половиной миллиарда, а чуть больше? Изменения свидетельствуют о том, что время существует. Или наоборот.

Впервые я открыл для себя эту великую истину, когда мои интимные места стали покрываться волосами. Тогда это был повод для гордости. Теперь – для раздражения.

Второй раз это случилось, когда я, пересилив панический страх высоты, все-таки заставил себя выпрыгнуть из самолета и переждать обещанные треклятые три секунды до раскрытия парашюта. Я переборол свой страх, хотя до сих пор не понимаю, зачем это сделал.

В третий раз я почувствовал, что изменился и что прежнего меня более не существует, когда набрал телефонный номер бродвейского продюсера Тони Гоннора, коего мне надлежало консультировать по части Данте. В эту минуту я почувствовал себя кем-то очень значимым, без кого не сможет состояться важнейшее дело. Я почувствовал себя Специалистом.

Для постановки мюзикла по дантовскому «Аду» Гоннор пригласил итальянского режиссера Энни Папетти, немецкого художника Андреаса Дрюллера, австрийского композитора Густава Шпильгаузена и английского балетмейстера Джона Честерфилда. Руководствовался продюсер двумя основополагающими принципами: коммерческое имя и сексуальные склонности. Ни Ярви Янсен, и уж тем более я, в этот ряд решительно не вписывались. Имя профессора было громким только в кругу специалистов, а его сексуальные интересы были огорчительны для приверженцев любой ориентации.

Гоннор назначил встречу в «Русской чайной», что возле «Карнеги-холла», где продолжает жить дух Чайковского, столь ненавидимый Иосифом Бродским²⁰, и все ужасно дорого.

Выглядел продюсер забавно. Модная растрепанная прическа, усталый оценивающий взгляд, мясистый нос, тонкие губы и практически полное отсутствие подбородка. Милый воспитанный бультерьер во время знакомства с чужой болонкой. Роста он был небольшого, кривоног и пузат.

²⁰ Очень вольная трактовка отношения Бродского к Петру Ильичу. Я не смог найти ничего, что подтвердило бы такую ненависть. Лишь в одном месте в эссе «Меньше единицы» в ряду того «от чего можно сойти с ума, если не умеешь отключаться» поэт упоминает «неиссякаемого Чайковского по радио». Но в контексте это звучит оценкой не композитору, а советской действительности.

– Вас рекомендовали как ведущего специалиста по Данте. Профессор Янсен характеризовал вас наилучшим образом. Эта работа не отнимет у вас много времени. Резюме по поводу либретто и несколько бесед с режиссером. Сначала прочтите это, – Гоннор положил на стол толстый конверт. – Ваши замечания я жду через три дня. Если понадобится дополнительная информация, вы знаете, как меня найти.

– Я должен показать сценарий профессору.

– Либретто.

– Что?

– Не сценарий, а либретто. Сценарии в кино или на телевидении. Об этом не беспокойтесь. Я все устрою. У меня есть номер мадридского факса, – продюсер снисходительно улыбнулся.

– В каком виде я должен подать резюме?

– В бумажном. Общее впечатление – коротко, конкретные замечания – детально. Меня больше всего беспокоит, чтобы спектакль не выглядел оторванным от контекста. Вы понимаете, о чем я?

– Не совсем. Вы ставите только «Ад».

– Именно поэтому я и беспокоюсь. Представьте себе, что ничего, кроме «Ада», Данте не написал.

– Это не просто.

– За это мы вам и платим. Не думайте, что кроме вас никто больше не знает Данте. Меня не интересует соответствие академическим стандартам. Меня интересует успех у публики. У вас есть возможность попытаться оставить от Данте побольше. Если вам удобнее, называйте эту затею «по мотивам Ада». Было приятно познакомиться. За кофе я рассчитаюсь. Всего доброго, – всем своим видом Гоннор показывал, что разговор закончен. Но я не торопился.

К нашему столику подошел высокий сероглазый мужчина и нежно посмотрел на Гоннора.

– Гарри, познакомьтесь. Это Энни Папетти, наш режиссер.

– Вот он какой, наш Вергилий. Я думал, вы старше, – томно улыбнулся итальянец и подал мне руку.

– Я не Вергилий. Я его заместитель. Вергилий в Мадриде, – попробовал пошутить я и покраснел от рукопожатия. Оно было явно «со смыслом».

– Как печально, что эти невежды решили ставить Данте на английском. Может быть, вам удастся переубедить Тони. Гарри, вы говорите по-итальянски?

– Читаю, – ответил я и покраснел еще больше.

– Не может быть и речи, – лениво запротестовал Гоннор. – Если только мы не хотим прогореть. На итальянском будешь ставить «Паяцев».

– Очень жаль. «E caddi, come corpo morto cade»²¹, – печально улыбнулся Папетти, и я решил, что мне пора.

– Гарри, у вас три дня. Не стесняйтесь мне звонить. По любому поводу, – услышал я продюсерские наставления, уступая дорогу в проходе официанту – рослому негру в красной косоворотке с хрустальной миской осетровой икры во льду. Заказ долларов на триста. «Мог бы и меня угостить», – обиделся я уже на улице.

На мне висели два реферата слабоумных профессорских студентов, страниц по сорок каждый, статья про Абеляра, где, конечно, и кот не валялся, итоги литературного конкурса в «Русском бизнесе», а теперь еще и этот дурацкий сценарий, простите, либретто, в котором

²¹ «И я упал как падает мертвец» пер. М.Лозинского. Для знатоков и почитателей творчества Данте этот стих (142. AD.V.) является своего рода паролем для узнавания «своих». Не знаю, есть ли в этих словах какой-то мистический смысл, но аллитерация – выше любых похвал.

никак не меньше двухсот страниц. Единственное, что успокаивало – дантовский первоисточник я знал почти наизусть.

Ужас охватил меня позже, в सबसे, где-то между 23-й и 14-й станциями, когда я распечатал конверт и взглянул на либретто. Ни слова великого флорентийца я не нашел. Весь текст состоял из режиссерских комментариев к «Аду» на плохом английском.

Вот она жадность. Вот оно стремление заработать на невежестве. Собственно, всякая работа учителя замешана на двух пагубных страстях. Заработать на незнании ученика и возвести себя в ранг всезнающего гуру. Это очень правильно, когда учитель остается нищим. Богатый учитель – свидетельство того, что знания продаются. Я не хочу быть учителем. В идеале учителя должны становиться монахами. Или учить должны монахи. Впрочем, не те, которые страшали Галилея.

Мой учитель находился за океаном.

Ничего хорошего не ожидая, я набрал его телефонный номер.

– Вы что, с ума сошли? – услышал я в трубке не очень трезвый голос профессора. – Здесь сейчас два часа ночи. У меня доклад в десять утра. Надеюсь, у вас действительно что-то важное?

– Профессор, они мошенники, – я старался придать голосу убедительности. – Там Данте и не пахнет. Мне дали сценарий, простите, либретто, где полная ахиня. У меня есть три дня на резюме. Это невозможно. И Абельяр горит. Что мне делать? Послать их к черту?

– Успокойтесь, Гарри, – голос Янсена начал приобретать твердость. – Отказаться мы всегда успеем. Но ведь вам нужны деньги? Попробуйте что-нибудь сделать. В конце концов, это только театр.

– Но Данте... – начал заступаться я за Алигьери. – Ведь они...

– Поверьте, Данте не пострадает. Напишите им чего-нибудь. Потяните время. Я скоро вернусь. Как там Абельяр?

– Там еще кот не валялся...

– Что?

– С Абельяром все будет в порядке. Хотя...

– Ну и ладно. И не звоните мне после десяти. Я потом уснуть не могу.

Связь прервалась. Из открытого окна доносились звуки полицейской сирены и тянуло запахом индийской кухни. Урчал холодильник. Тупые мошки клевали потолок. «Если бы у меня была собака, – подумал я, – я бы ее сейчас застрелил».

Отпущенные мне три дня начинались с завтрашнего утра. Почему бы им не поставить «Одиссею»?

Решение, которое приходит ниоткуда, считается самым верным. Так говорили древние. Кто они и почему я должен их слушаться, я бы не ответил. Тем более что никакой подсказки ниоткуда я не получал.

Из двух желаний, которыми в данный момент была обуреваема моя натура (напиться вдрызг или обругать Гоннора), победило второе. К тому же санкция на затягивание времени была получена. Я набрал мобильный продюсера.

Гудков через десять в трубке ответили по-китайски. Поскольку китайского я не знаю вовсе, а девушка, или, что более вероятно, юноша по ту сторону связи ничего, кроме китайского не знал, я положил трубку. Поборовшись с сомнениями, по-китайски или по-корейски говорили со мной, я позвонил Адаму.

– Прости, ради Бога. Я понимаю, что тебе сейчас не до моих проблем, но никто кроме тебя мне не поможет. Умоляю, бросай все и приезжай.

– Что-то случилось? – совершенно спокойно спросил Адам.

– Адик, я горю. Водка у меня есть. Больше ничего не понадобится.

Спустя три четверти часа Кодман сидел напротив меня ипил водку мелкими глотками. Я рассказал ему все, как на исповеди. И про шефа, и про заговор гомосексуалистов против Данте, и про литературную победу его сестры, и про дураков-студентов, которые путают Филиппа Красивого с Франциском IV, и про моего напарника-аргентинца, и про Абеяра, и даже про свой последний скандал с квартирной хозяйкой из-за тараканов. Единственное, о чем я умолчал, и не потому, что не хотел говорить, а просто забыл, про агента ФБР Эплстоуна, который интересовался, мог ли Адам выбросить свою сестру-близняшку в открытое окно из-за денег или по другой причине.

Адам был спокоен ипил водку. А что ему еще оставалось на фоне моей истерики?

– Насколько я понимаю, – начал Адам после затянувшейся паузы, – помочь тебе я могу только с мюзиклом?

Я немного поразмыслил иудивился прозорливости друга. Ни студентов, ни Абеяра, ни даже рассказ сестры, назначенный для публикации в «Русском бизнесе», я отдать ему не мог. Оставался только спектакль.

– Ты прав, – подтвердил я, – и мне от этого очень грустно.

– Ай! Перестань. Мне все равно нечего делать. Я провожу в магазине не более восьми часов. За каждый час мне платят по десять баксов. У меня есть неиспользованный недельный отпуск и три дня больничных. Если за это время я заработаю хотя бы столько же, мне это выгодно. Впрочем, водка и сигареты – за тобой. Когда вернется твой профессор?

– Самое меньшее через три недели.

– Вот и славно. С тебя пансион и тысяча долларов гонорара. Идет?

Тысяча долларов, плюс триста на ежедневные затраты... Столько я зарабатываю за две недели в журнале.

– Разумеется, да! Но Данте – не твоя тема.

– Пусть тебя это не беспокоит. Судя по тому, что ты мне рассказал про своих театралов, Данте для них еще большая загадка, чем для меня. Главное, чтобы у них была своя история. Без истории все беспочвенно.

Идея истории для Адама была своего рода религией. Нет, это слишком. Скорее философией, методом познания жизни. Эту философию он исповедовал еще со студенческой скамьи, хотя учили его обратному. Под историей он понимал не предмет своей специальности, а буквальную жизненную историю, если угодно – сюжет. Он говорил, что без истории все теряет смысл. История – это описание движения, в которое вмонтированы страсти, мысли, подвиги и подлости. Литература – это способ описать историю. И чем талантливее литератор, тем полноценнее выходит история. Остальное – форма и глубина переживаний. В качестве примера своей правоты он приводил пример «Слова о полку Игореве».

С этим тезисом не согласился бы Иосиф Бродский, утверждавший, что композиция важнее сюжета. В данном споре я, конечно, поддержал бы Бродского. Но не сейчас. Сейчас важнейшим из всех искусств для меня было время. А время пошло...

8. Город Дит

*«Мой сын, – сказал учитель достохвальный, –
Вот город Дит, и в нем заключены*

Безрадостные люди, сонм печальный».

AD. VIII.67.

Меня разбудил звонок. Было около семи. Обычно в такую рань я не реагирую на телефон и поручаю все неотложное автоответчику. На этот раз не удалось. После предложения меха-

нического голоса оставить сообщение, я услышал голос профессора Янсена с предложением поднять трубку.

Некоторое время я колебался, но очень скоро понял – шеф знает, что я дома.

– Вы много спите для вашего возраста. Я уже успел прочитать доклад и отобедать. Обед был потрясающий. Луковый суп с сыром, плов с омарами и креветками, печенье...

– Я рад за вас, профессор. У нас нет еще и семи.

– Глупости. После того как вы меня вчера разбудили, я не мог уснуть и набросал некоторые соображения на бумаге. Вам их отправили час назад. Просмотрите и успокойтесь. Жизнь хороша тогда, когда ты ей рад. Перезвоните мне вечером. Только не нью-йоркским вечером, а мадридским. Как там мои двоечники? Вы смотрели их рефераты?

– Еще нет, шеф. Но в любом случае, думаю, помочь им сможете только вы.

– Гарри, вы лентяй! Студентов нужно любить. Тогда они ответят вам тем же.

– А ассистентов? – у меня вдруг сильно разболелась голова.

– Ассистенты от студентов отличаются тем, что вторые еще только ищут свой жизненный путь, а первые его уже нашли. Так что не ропщите.

– Я и не ропщу. Уже...

– И не держите. Несите свой крест с достоинством, – голос профессора был ехидным и довольным, – пока сами не станете профессором.

– А когда я стану профессором?

– Скоро, Гарри, скоро. Но не раньше, чем я умру.

– Вы наталкиваете меня на опасные мысли, шеф.

– А это уже хамство, – расстроился Янсен, но не сильно, – прочтите почту, и перезвоните мне вечером. Мадридским вечером! Это значит до десяти.

В электронном почтовом ящике я обнаружил следующее: «Дорогой Гарри! Толпа делится на три категории. Критикующая гения, воспринимающая гения и та, что о гении не знает вовсе. Есть, правда, и четвертая – обожествляющая гения. Но ее нельзя считать самостоятельной. Она либо часть самого гения, либо ей наплевать, кто есть этот самый гений. Для нее важен факт обожествления. Посему ее можно отнести к третьей категории.

Содержание, дорогой Гарри, не может быть важнее формы. Что из того, что обертку выбрасывают, а содержимым пользуются? Коль скоро мы говорим о книге, необходимо усвоить, что книга – товар специфический. Книга формальна по своей природе, как слово, как буква (см. Борхеса про общие воспоминания)²². Не услышанная никем мысль – еще не мысль. Как электричество, растворенное в природе, имеет смысл только в приложении к чему-то: молния, эл. скат, полярность, лампочка... Что же говорить о спектакле – вещи в принципе формальной, более даже, чем книга. Воспринять его можно только через образ, который невозможен без общих воспоминаний.

Я получил либретто. Они намекают на то, что Данте был тайным тамплиером. Как по мне – полная дурь. И что из этого? (Надеюсь, вы уже знаете, что данную постановку финансирует благотворительный Фонд имени последнего шефа храмовников?). Вы же сами хотели доказать связь Данте с орденом. Кстати и эзэсовцы считали себя наследниками тевтонского ордена, который был слизан, как под копирку, с тамплиеровского. Почему про тамплиеров мы вспоминаем с уважительным покачиванием головы, а фашистов откровенно ненавидим?

Формально возможны два варианта ответа. Вариант первый: мы слишком мало знаем про гнусности, творимые тамплиерами (вспомните хотя бы штурм Аскалона или Иерусалимский выкуп)²³, их держали в тайне, ими старались не эпатировать общественное мнение. Чего

²² «Слова – это символы: они требуют общих воспоминаний» Х.Л. Борхес «Книга песка».

²³ Во время штурма Аскалона в 1153 году передовые отряды храмовников первыми ворвались в город и не пустили сквозь

не делали фашисты, которые напротив, из-за тупости и чванства взяли на себя всю грязную работу, а вместе с ней и весь позор преступлений Третьего Рейха. Вариант второй: тамплиеры были благородными рыцарями, которых несправедливо уничтожили завистливые властители, а эсесовцы бесосновательно и незаконно объявили себя наследниками тевтонов – ближайших родственников тамплиеров.

На самом деле, ни один из ответов нельзя считать справедливым. Ответ заключается в стиле. Ну, это, как история Родиона Раскольникова, рассказанная аборигеном-сочинителем Новой Гвинеи, принимавшем участие в съедении Кука. При всей тождественности изложенного с сочинением Достоевского результат будет противоположным. Разумеется, если потребитель воспитан на христианских ценностях.

С другой стороны, почему мы считаем, что дикари воспримут эту историю неправильно? Они воспримут ее по-другому. И им нет дела до того, что мы об этом подумаем.

Я – прямой наследник викингов. Свирепых и жестоких. Во мне течет их кровь. Мне по нраву истории, исполненные активного действия и четкого понимания функций героев. Чем я отличаюсь от папуасов? Образованием? Моральными ценностями?

Нет! Я отличаюсь от них терпимостью и способностью уважать чужие идеалы, даже если я их не разделяю. Вот чему учит христианство, если вы, остолоп, этого до сих пор не поняли! Уважать чужие идеалы! Перечитайте Данте, и не морочьте мне голову несоответствием с первоисточником. Это не диссертация. Это даже не комментарии к очередной трактовке. Это только консультации по предмету.

Нежно любящий вас Ярви Янсен.

P.S. Не звоните мне после десяти. Из-за вас я не спал всю ночь».

Это было заметно. Сочинить столь многословное письмо, абсолютно не проясняющее ситуацию, мог только человек, измученный бессонницей.

В детском саду во время приема пищи нас заставляли повторять поговорку: «Когда я ем, я глух и нем». «Глух и нем» в моем детском сознании сливалось в одно слово, и из него вырастал образ ужасного зверя Глухинома, который своей прожорливостью затмевал Бабая или Змея Горыныча. Жуткое было животное. Так вот сейчас я стал настоящим Глухиномом, и главным моим желанием было слопать Ярви Янсена. Но Ярви Янсен находился по другую сторону Атлантики, и никакой Глухином его бы сейчас не достал. А жаль...

9. Посол Небес

*...К чему бороться с волей выше вас,
Которая идет стопою твердой*

И ваши беды множила не раз?..

AD. IX. 94

Среди коллег Бенджамин Эплстоун слыл придурком. Не то чтобы полным, а так, слегка. Основания для такой оценки давали, по крайней мере, три качества его натуры. Во-первых, его не интересовало ничего, кроме работы. Ну, совсем ничего. Берясь за всякое новое дело, он погружался в него с потрохами и оставался там до окончания расследования. Никакие житейские радости не могли в нем соперничать с радостью работы. В этом смысле он был похож на Шерлока Холмса, правда, с гораздо меньшими дедуктивными способностями.

Во-вторых, вечным поводом для шуток было его замысловатое имя, коим, впрочем, Эплстоун искренне гордился. И, в-третьих, ему фатально не везло с женщинами. Прекрасный пол

пролом в стене больше никого, чтобы не делиться добычей. Тамплиеры обратили мечи против своих же товарищей, которые не принадлежали к Ордену. Это дало возможность защитникам Аскалона перегруппироваться и отобрать у крестоносцев очевидную победу. Когда в 1187 году Иерусалим сдался на милость Салладина, тот потребовал выкуп за каждого христианина, который уйдет из города. Тамплиеры отказались раскошелиться в результате чего 16 тысяч их единоверцев попали в рабство.

будто чуял какую-то опасность, исходящую от агента. Женщины сторонились его. Он и не настаивал, особенно в последнее время. Как-то научился обходиться.

Дело, порученное Эплстоуну, в этот раз не было похоже на другие. Многие из коллег считали, что и дела-то никакого нет. А если и есть, то заниматься им должны не в ФБР, а где-нибудь в другом месте. Например, в министерстве финансов. Начальство так не считало, во всяком случае, в начале. Более того, дело выглядело достаточно многолюдным и запутанным, чтобы претендовать на звание важного. Потому начальство зорко следило за успехами Бена, требуя докладывать не реже двух раз в неделю.

– Ну, что у нас нового? – Эрик МакНи скрючился в огромном кресле, которое его тщедушной фигуре было явно не по размеру.

– Нового мало, сэр, – скривился Эплстоун. – Я перерыл все что мог. Ухватиться не за что.

– Так уж и не за что? – не поверил МакНи.

– Все зависит от цели. Я пока ее не вижу.

– Не мне тебе про цели рассказывать. Главного злодея ты уже вычислил?

– А что с того? Предъявить ему нечего. Хоть бы убили они кого, что ли.

– Совсем сдурел?

– Да это я так... – Бен понял, что сморозил глупость.

– Ладно, давай думать вместе. Что мы о них знаем?

Агент послушно развернул папку и начал читать.

– Благотворительный Фонд имени Жака де Моле был организован в 1992 году²⁴. Штаб-квартира находится на Кипре. Первое лицо – директор-распорядитель Луиджи Пако. У него итальянский паспорт и вид на жительство в США. Фонд имеет три крупных филиала – в Париже, Глазго и в Иерусалиме, и двенадцать представительств. В том числе и в Нью-Йорке. Нью-Йоркским офисом руководит Тони Гоннор, бродвейский продюсер, фигура весьма влиятельная среди богемных гомосексуалистов.

Активы фонда составляют около трехсот миллионов долларов, в том числе и в недвижимости. Нет сомнений, что сумма занижена, и реально раз в десять больше.

Главные программные цели – поддержка культурологических, исторических, археологических и прочих проектов, направленных на установление исторической справедливости по отношению к Ордену рыцарей Храма, официальная реабилитация Ордена и разрешение его Ватиканом.

Источники доходов – пожертвования от частных лиц, фирм и правительств. В общем, от кого угодно. Сами они коммерцией не занимаются, а вырученные деньги от проектов пускают на очередные гранты. Открытые гранты, правда, у них смехотворные. По прошлогоднему отчету они объявили два миллиона, а потратили что-то около пятисот тысяч.

В опекунский совет входят двенадцать человек. Бизнесмены и политики из Европы, один японец, один египтянин и один турок. Есть еще и научный совет, который должен рассматривать предложенные проекты. Но там люди постоянно меняются и никакого доступа к деньгам не имеют. Похоже, деятельностью Фонда руководят совсем не те, кто представляет его публике.

В Штатах Фонд сейчас финансирует семь проектов. Три студенческие работы по семь тысяч долларов каждая, две передвижные выставки оружия и доспехов тамплиеров, общая сумма – сто сорок тысяч, археологическую экспедицию Колумбийского университета в Турцию, там что-то около двухсот тысяч и постановку мюзикла на Бродвее – пятнадцать миллионов.

²⁴ Организаций с подобным названием было великое множество. Из самых известных можно назвать благотворительный Фонд де Моле, который во время Второй мировой войны помогал осиротевшим детям в Германии, фактически занимаясь пополнением рядов «Гитлерюгенд». Другой известной организацией, которая носит имя Великого магистра, является созданный в 1919 году в США видным американским масоном Фрэнком Лэндом орден де Моле. Он официально занимается воспитанием молодежи. Между прочим, ку-клукс-клан тоже создавался для защиты вдов и сирот.

- Сколько? – икнул МакНи.
- Пятнадцать миллионов, – подтвердил Эплстоун.
- На мюзикл? Однако! За эти деньги фильм снять можно.
- Разве что документальный... Фильм у них запланирован на будущий год. Но только снимать они его не будут.
- Почему?
- Смысла нет. Если мы не ошиблись в предположениях, и они действительно отмывают деньги через эти проекты, фильм они снимать не будут. Логичнее заплатить какой-то глобальной телесети за подогрев интереса к теме. Там и деньги гораздо серьезнее и отношения сложнее. С мюзиклом проще. Спектакль ставит Тони Гоннор, представитель Фонда в Нью-Йорке. Сами себе и платят. Уверен, что львиная доля всего бюджета – это гонорары создателей. Плюс декорации, костюмы, страховки, реклама... Там есть куда загнать деньги. А если учесть, что все эти деньги они заплатят своим же, то многое проясняется.
- Проще построить казино.
- Им не надо проще. Им надо и деньги по возможности сохранить, и объяснить их происхождение, и акцию шумную устроить. Реклама опять же. Они ведь спектакль ставят не простой. А по «Божественной комедии» Данте Алигьери.
- Слышал про такого.
- Данте описывает события, происходившие якобы весной 1300 года. В будущем году как раз семьсот лет исполняется. Плюс юбилей Данте. В мае ему стукнет 735 лет.
- Какой же это юбилей? – искренне удивился шеф.
- Средневековые схоласты считали цифры 3, 5 и 7 магическими. А их расположение в порядке 735 символизирует Золотую пропорцию²⁵.
- Какую пропорцию?
- Ну, это когда...
- Ладно. Бог с ней, с пропорцией. Я понял, что это хорошо, – разозлился МакНи.
- Это не просто хорошо. Они считают, что в этом есть магическая сила, способная... – увлекся Бен.
- Ну, хватит! Я понял. А какое им дело до Данте?
- Есть легенда, согласно которой Данте был тайным тамплиером. Во всяком случае, очень им симпатизировал. Говорят, что его даже похоронили в рясе храмовника. Но это, похоже, домыслы. Гонения на тамплиеров начались с пятницы, 13 октября 1307 году и длились почти семь лет. Поэтому заявлять о своих симпатиях открыто Данте не мог.
- Ты же сказал, что Данте писал про 1300 год, – шефу эта историческая лекция начала надоедать.
- Да, но писал он значительно позже. Лет десять спустя.
- А какое отношение все это имеет к Фонду?
- Мотивов много. Я думаю, что главных два. Первый – это авторитет Данте. Для людей интересующихся «Божественная комедия» – почти как библия. Никому и в голову не придет подозревать Фонд в чем-то нехорошем. Второй – это реклама. Тот, кто придумал всю эту аферу – настоящий гений. Связать Фонд с такой акцией – это все равно что получить индульгенцию.
- Ну а нам-то что делать? – Настроение шефа явно испортилось.
- Не знаю. Надо подбираться к Гоннору. До штаб-квартиры на Кипре нам не достать.
- Финал доклада был никудышный. МакНи поужил в своем необъятном кресле, чихнул и молча вышел из кабинета. Вернулся через минуту с двумя стаканами горячего кофе. Все

²⁵ Золотая или «Божественная» пропорция (в архитектуре и скульптуре ее называют «сечением») считается краеугольным камнем гармоничности мироздания. Математически ее можно представить как отрезок, разделенный на две неравные части, где большая часть относится к меньшей так же, как весь отрезок относится к большей части.

складывалось еще хуже, чем предполагалось. Закрывать дело, тем более отдавать его кому-то, было абсолютно невыносимо.

Внешне все выглядело так. Международная группа жуликов нашла способ совершенно легально отмывать большие деньги. Отдел МакНи проявил незаурядную прозорливость и разгадал планы преступников (за это ему, МакНи, ордена и слава). Но, разгадав планы злодеев, отдел МакНи не смог противопоставить им ничего действенного. И мафиози самым нахальным образом реализовали свои подлые замыслы, оставив МакНи с носом (за это МакНи позор и служебное несоответствие). А идея была Эплстоуна. Наградил же Господь Бог сотрудником.

– А что погибшая Куценко? – со слабой надеждой в голосе спросил шеф.

– Погибла, – обречено ответил Бен.

– Не смешно, – МакНи начинал злиться всерьез.

– Там не за что зацепиться, шеф, – агент отрешенно дул в стакан с кофе. – Хотя...

Повисла противная пауза, в которой угадывалось желание шефа запустить в Эплстоуна чем-то тяжелым. К чести Бена, он выдержал паузу до конца.

– Я допросил некоего Георгия Когана, близкого друга покойной и ее брата. Он стажирется в Колумбийском университете у профессора Янсена. Крупный специалист по европейской средневековой литературе. Имя Янсена значится в списках консультантов гонноровского спектакля. Коган обмолвился, что профессор в отъезде и консультировать спектакль поручил ему.

– И что это нам дает? – спросил шеф.

– Пока не знаю.

10. Еретика

Здесь кладбище для веривших когда-то,

Как Эпикур и все, кто вместе с ним,

Что души с плотью гибнут без возврата.

AD.X.13.

Анна Шоу писала сразу для нескольких изданий. Талант этой тридцатилетней стервы, способной выуживать деньги даже из тех, кто никогда и никому денег не давал, проявлялся в первую очередь в том, что из одной командировки она привозила объемные материалы для четырех или пяти журналов совершенно разной направленности. У нее не было так называемой главной темы. Она одновременно разбиралась с геологическими артефактами в Кении, правами детей и женщин в Чаде, распространением СПИДа на трансафриканской магистрали и проблемами зверушек в Серенгети.

С работой она справлялась блестяще. Кроме того, у нее выходили прекрасные фоторепортажи, а с недавних пор она успешно продавала видео национальным каналам.

Среди постоянных заказчиков Анны были National Geographic, BBC, журналы трех американских университетов, The New York Times и еще Бог знает кто. Несколько раз ее материалы публиковал Playboy.

Секрет успеха Анны Шоу, мисс Огайо 1993 года был прост. Как настоящий журналист, она не знала тематических и жанровых ограничений и как полная дура интересовалась всем на своем пути: от политики до кулинарии.

В 1996 году, пробив командировку сразу от трех именитых журналов, она приехала в Узбекистан. Магистральной темой ее исследований была кухня Ошской долины.

Поработав в глубинке чуть больше трех недель, Анна была арестована местной полицией по обвинению в шпионаже. Поводом для ареста стало фотографирование моста через глубокое ущелье, соединявшего узбекскую и киргизскую части долины, который по старым советским нормам входил в список особо секретных объектов.

Проведя три недели в уездной узбекской тюрьме, Анна вышла на свободу обогащенная первичным знанием русского мата, пятью десятками рецептов приготовления плова из собачатины и информацией про Трансмагрибский Союз, основанный в 1947 году Алатаем, упавшем с неба в Карфагенской пустыне.

Найдя ближайший в Узбекистане факс, Анна произвела настоящую сенсацию в американской прессе материалом о содержании узбекских женщин в заточении.

Материал про собачий плов имел гораздо меньший резонанс, а рассказ о планах возродить Магриб в границах XIV века не получил почти никакого отклика. Это огорчило Анну, но ни в коем случае не сломало ее. Она решила «копать» дальше.

В Узбекистане это уже выглядело проблематичным, а дальше узбекских границ журналистку не пускали.

Осознав через две недели переписки с консульствами, что бизнес становится убыточным, Анна решила лететь в Украину, собственно, только потому, что рейс Ташкент – Нью-Йорк пролегал через Киев. Был еще один повод для задержки в Центральной Европе. Алатай, имя которого узбеки произносили с мистическим восторгом, согласно легенде был когда-то украинским мужиком из-под Винницы, который в годы Второй мировой, служа в военной авиации, случайно приземлился в пустыне недалеко от Триполи.

Из наиболее правдоподобных версий Анна выбрала для себя ту, по которой геройский летчик, преследуя вражеский самолет, попросту заблудился в густой облачности над Средиземным морем. Правда, если учесть, что самолет будущего Алатая прилетел в Северную Африку из Югославии, а расстояние между ними, даже по прямой, превышает 1200 километров, и летел герой на истребителе конструкции Лавочкина, дальность полета которого при самых благоприятных условиях ограничивается расстоянием в 1190 километров, история эта выглядела туманной и загадочной.

Провозвестника Нового Магриба звали то ли Алексей, то ли Александр Горовиц, и к моменту своего исчезновения он был кавалером нескольких престижных орденов Советского Союза и носителем почетного геройского звания. В летописи войны он остался асом и героем, пропавшим без вести во время воздушного боя с фашистами где-то над Балканскими горами.

На родине героя в небольшом селе в окрестностях Могилева-Подольского впоследствии был учрежден его мемориальный музей и его именем названа одна из улиц.

Если побег летчика был не побегом, а несчастным случаем, остаются загадкой два принципиальных момента. Первый – как истребитель Ла-5 смог пересечь Средиземное море и благополучно приземлиться в Африке? Второй – почему советский офицер, оказавшись в столь затруднительном положении, не попытался связаться со своими?

За два года жизни среди берберов Горовиц сумел овладеть арабским языком настолько, что к концу 1947 года сформулировал на этом языке главные принципы Нового Магриба²⁶.

Принципы сводились к тому, что в современной политической обстановке арабский мир имеет все возможности объединиться под знаменем Ислама и вернуть былую славу могучего и просвещенного Магриба, утраченную с началом империалистической экспансии Запада.

Некоторое время Горовиц активно сотрудничал с Абдаль-Киримом²⁷ по созданию комитета освобождения Арабского Магриба. Но, не сойдясь во взглядах на политическое устройство будущего государства, а главное, на отношения с Советским Союзом, оставил Комитет...

²⁶ Правильнее было бы сказать, что он участвовал в разработке этих принципов, а не формулировал их как автор. Над этими идеями трудилась большая группа людей во многих странах. Причем не только Магриба. А что касается столь неожиданных способностей к языкам, которые проявились у Горовица, то мне думается, для самого Алатая ничего удивительного в них не было. Любая импровизация должна быть хорошо подготовлена. В том числе и перелет через море... Если вспомнить о том, что эти «новые» принципы сводились к синтезу Ислама и марксизма, а внешняя политика ориентировалась на СССР и Китай, то мистического пафоса вокруг фигуры Алатая сильно поубавится.

²⁷ Абд аль-Керим (1881 или 1882–1963), вождь восстания рифских племен в Марокко. В 1921–26 президент (эмир) Рифской республики. С 1948 по 1956 годы возглавлял Комитет освобождения Арабского Магриба.

Ничего этого Анна никогда бы не узнала, не окажись ее кресло в самолете, следовавшем рейсом Ташкент–Киев, рядом с креслом украинского дипломата Сергея Дубины, который возвращался домой из Исламабада.

Разговорились они сразу же, оказавшись рядом, как только Анна решилась попросить у стюардессы воды теми же фразами, которыми это делалось в узбекской тюрьме. Судя по тому, как покраснели щеки и забегали глаза у сексапильной стюардессы, Анна поняла, что сказала что-то не то.

Не растерялся сосед по креслу. Он перевел узбечке мат на нормативный русский, а попутчице посоветовал говорить по-английски.

– В чем была моя ошибка? – живо поинтересовалась Анна.

– Похоже, вы изучали русский язык не по учебнику?

– Я почти месяц провела в узбекской тюрьме. За шпионаж. Я фотографировала полуразрушенный мост, который по местным законам фотографировать нельзя.

– Тогда понятно. Непонятно, почему вы просидели в тюрьме так долго?

– У них не работал телефон, – простодушно объяснила Анна.

– Бывает, – похоже, собеседника забавляли приключения американки. – Дело в том, что «сухой» в определенных кругах называют женщин, которым не симпатизируют. А «сохнет пасть» можно выразить мягче. Например – мучит жажда. Вы летите в Киев или дальше?

– Пока в Киев. Но мне необходимо вернуться в Среднюю Азию. Но уже не в Узбекистан.

– Вы ищете могилу Тамерлана?

– А он похоронен в Узбекистане? – удивилась Анна.

– Говорят.

– Нет, меня интересует кухня Ошской долины. И Алатай.

– Ну, Алатай надо искать в Африке. А кухня...

– Почему в Африке? – невежливо перебила собеседника Анна.

– Потому, что он там жил. Если жил вообще.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что Алатай, если мы говорим об одном и том же человеке, появился и функционировал именно в Африке. В основном, в Алжире и Тунисе.

– Я говорю про Алатай, о котором узнала в тюрьме. Он хотел создать Исламскую империю.

– Арабскую империю. Впрочем, не империю, а союз государств.

– Ну да. Я о нем и говорю. Так это было не в Узбекистане?

И тут Сергей рассказал Анне историю Алатай, которая так изменила жизнь журналистки.

Киев встретил путешественников неприветливо. Самолет затрясся всеми своими конечностями, издал совершенно изуверский вопль, тяжело вздохнул и плюхнулся на размокшее от дождя поле Борисполя, на котором не успели скосить дурноцвет еще с минувшего лета. В салоне раздали жидкие аплодисменты и командир уверенно порулил по дорожкам «Главных ворот страны».

После всех положенных формальностей, Сергей предложил подвести Анну до города, помог устроиться в гостинице «Днепр» и пообещал перезвонить завтра.

Звонок разбудил Анну около одиннадцати. Спросонья она не сразу узнала собеседника.

– Как вам Киев? Многие находят его замечательным.

– Сергей? Здравствуйте. Киев мне никак. Вы меня разбудили.

– О, тысяча извинений. Я хотел предложить свои услуги.

– Ничего. Я и так долго спала. А что до услуг, я с удовольствием ими воспользуюсь через сорок минут. Если вас это устраивает.

– Тогда я жду в баре.

У Сергея было два свободных дня после командировки. Потом начинались выходные. Впервые за несколько месяцев Анна почувствовала, что ей повезло.

Романа, правда, не получилось. Сергей ждал Анну в баре со своей женой Ольгой.

– Мне захотелось вас познакомить, – словно извиняясь за что-то, начал Сергей, – как раз сейчас Оля пытается создать журнал, и я самым бессовестным образом решил вас использовать.

Оля была милейшей девочкой лет двадцати пяти с чудными белокурыми кудрями, богемными манерами, изумительной красоты кистями рук и очень пристойным английским. Она сумела раздобыть деньги для издания англо-украинского синхронного журнала, что-то наподобие National Geographic.

Анне Ольга понравилась сразу и во всех смыслах. Даже больше, чем Сергей. Поэтому она не стала строго судить своего нового друга за желание похвастать таким сокровищем.

– Начнем с осмотра достопримечательностей, – предложил после завтрака Сергей.

– Нет, если вы не против, с какой-нибудь хорошей библиотеки. Вы заинтриговали меня историей Алатая-Горовица. Гулять будем потом.

На поиски информации о загадочном летчике были брошены все ресурсы, доступные семье Дубин. Результат оказался скромным. Не чета ресурсам.

Кроме того, что Сергей уже рассказал американке, было найдено несколько ссылок на литературу, где упоминались политические контакты Алатая с Мухаммедом Бен Юсуфом²⁸ (еще до воцарения последнего на марокканском престоле в августе 1957 года) и будущим президентом независимого Туниса Хабибой Бурибой²⁹. Контакты эти в большей мере сводились к маджахедскому движению периода освободительной войны.

Судя по всему, Алатай проявил себя незаурядным военным стратегом и дерзким политическим мыслителем. Особенно заметным его влияние на арабских лидеров было в период войны с французами.

После обретения независимости Тунисом и Марокко, имя Алатая вспоминается все реже. Несколько раз он упоминается в исторических трудах в связи с попыткой возродить виноградарство в Алжире после изгнания оттуда итальянских колонистов и идеями строительства Алжирского исламского социализма. Последний раз имя Алатая звучит в конце 1976 года в одном из публичных выступлений Хуари Бумедьена³⁰ на заседании Организации “Исламская конференция” в Джидде в связи с идеей объединения стран Магриба в единое исламское конфедеративное государство с представительским центром в Триполи. Но тогда Бумедьен говорил про Алатая как про классика, очевидно, уже покинувшего сей суетный мир.

Работ самого Алатая, похоже, не сохранилось нигде. Из всех его фантастических идей наибольшую популярность получила идея естественного синтеза рекомендаций Корана и теоретических основ марксизма. Самым вульгарным образом часть этих идей претворились в государственном управлении Ливией рубежа 70–80-х годов известным всему миру любителем белых верблюдов М. Каддафи³¹.

²⁸ Мухаммед Бен Юсуф – Мухаммед V (1909–1961) король Марокко. В 1927 наследовал трон. После трехлетнего регентства стал султаном. Организовал движение за национальное освобождение. В 1956 Марокко получило независимость от Франции. В 1957 Мухаммед отказался от титула султана и стал именоваться королем Мухаммедом V.

²⁹ Хабиб Буриба – первый президент независимого (с 1957г) Туниса, отличившийся демократическими реформами – возглавил официальную кампанию против поста в месяц Рамазан и против хаджа, способствовал переводу Корана на национальные языки.

³⁰ Хуари Бумедьен – в 1965 году возглавил военный переворот в Алжире, в результате которого был свергнут президент Бен Белла. С этого времени и до смерти в 1979 году – фактический руководитель Алжира. С 1976 года – в статусе президента. Один из самых активных «объединителей» Магриба, национализировал нефтяные и газовые месторождения, создал сельхозкооперативы, реформировал армию.

³¹ Муамар Каддафи (р.1942г) – глава «революционного руководства» Ливии, автор «Зеленой книги», где ратует за восстановление «естественного» закона (закона религии), не признающего социального деления. Известен нежной дружбой с руководством Советского Союза и Китая и непримиримой враждой с США, а так же экзальтированностью и решительностью

Ничего о личной жизни мудреца неизвестно. Даже где и когда он умер. Будто бы его и не было вовсе. Равно, как и его идеи глобального объединения мусульман от Пакистана до Марокко. Именно таким видел Новый Магриб Алатай.

Сергей, умница и наверняка гордость своих учителей, вспомнил даже, что был некий документ, осуждающий алатизм, так и не принятый Организацией Африканского Единства...

Анну огорчило другое – они не нашли даже намека на то, что легендарный Алатай и советский летчик А. Горовиц одно и то же лицо. А этого так хотелось!

Вечер компания провела у Сергея дома. Анна от души набаловалась с потешным хозяйским таксом по имени Примус, наслушалась интереснейших планов Оли по созданию журнала и разбила чашку из сервиза «Мадонна», когда помогала хозяйке мыть посуду.

Поскольку по части расследования истории Алатая были использованы практически все видимые возможности, приниматься следовало за геройского летчика. Было решено, что прямо с завтрашнего утра Ольга и Анна (Сергей по долгу службы оставался в Киеве) отбудут на украино-молдавскую границу, точнее в город Могилев-Подольский, где попытаются установить хоть какую-то связь между Горовицем и Алатаем. В их распоряжении был автомобиль семьи Дубин, Сережины связи и неделя до истечения срока визы Анны Шоу в Украине.

11. Распределение грешников

*Обман, который всем сердцам знаком,
Приносит вред и тем, кто доверяет,
И тем, кто не доверился ни в чем.
AD.XI.52*

Жолда Красноглазый, в маргинальности которого мог усомниться лишь тот, кто не знает значения этого слова, на самом деле был, как сказали бы теперь, убежденным идейным борцом. Он не был Робинотом Гудом, его идея не была столь узкой. Грабил и убивал он не из чувства справедливости, не из желания помочь, хоть таким способом, своей несчастной, раздираемой на части родине, не из алчности, не из чувства мести. Просто он относился к категории тех людей, которые знают, как надо. Без особых объяснений.

Всю непутевую разбойничью жизнь Жолды можно разделить на три неравные как по продолжительности, так и по содержанию части. Причем, уловить взаимосвязь между ними, не зная, что относятся они к одному и тому же человеку, практически невозможно.

К первой части относились неразумное детство, отрочество и юность, вплоть до вполне успешной службы в реестровом казачестве. Вся эта часть жизни, самая продолжительная во времени, но и самая беспомощная в понимании происходящего внутри и снаружи, выглядела, как разлитая по вареникам сметана. Вроде ее много, но, вроде, она и не главная.

Никаких других образов, заставляющих оглянуться, в той жизни не осталось. Старый рыбак, тянувший из реки пустой невод, разрубленный пополам поросенок у сгоревшего сарая, высохшая трава, торчащая соломой из-под снежного наста, мать, плачущая над раздавленным куриным яйцом, из которого ожидался цыпленок, старый хромой пес, умеющий по команде вытирать морду, будто умывается. Вот, пожалуй, и все.

Потом к этому добавились серый жупан, пахнувший квашеной капустой, запах клинка и пороха, и, наконец, чавкающая плоть стареющей вдовы (очень похожей на мать) в хлеву, среди запахов свежего навоза и сруи. Вдовьи ласки никак не осели в памяти Жолды, потому и первый опыт обладания со временем стерся в пыль.

Образы второй части жизни были конкретнее и холоднее. Их было больше, и они были ближе. Пожалуй, самым значимым из этих образов был образ ушедшего страха. На его месте

образовалась пустота, которая требовала заполнения. Замену страху и искал Жолда с того момента, когда он, тридцатитрехлетний казак, поднял бунт в Шаргородском имении сотника Ланскоронского.

Бунт был обычным. Свирепым и отчаянным. Ни масштабами разграбления, ни обилием крови он не выделялся из ряда других. Единственное, что спасало это восстание от звания среднестатистического, было то, что поднял его реестровый казак, человек, состоявший на службе короля.

Жолда почувствовал, что страх покинул его на рассвете, когда оглянулся с соседнего холма на пожарище. Сперва гайдамак не придавал этому значения, хотя отметил про себя утрату. Все затмевала усталость и спокойное чувство свободы. Бессмысленной и унылой. И уже тогда показавшейся тяжелым бременем, заменившим сытую и спокойную жизнь.

Прошло еще два года, прежде чем Жолда залатал брешь в душе. Отсутствие страха пугало и мучило. Ни одной живой душе не позволено не иметь страха. Страх, как надежда – последнее, что остается у человека, если человек еще жив.

Только к тридцати пяти годам, поселившись в Рахмановых пещерах вместе со своей шайкой, гайдамак обрел некое подобие покоя. Именно с этой поры и начинается третий, самый короткий и самый важный период жизни Жолды Красноглазого. Именно с этого времени он стал тем, кто грабит городки и обозы не просто так, а во имя некой идеи. Именно тогда слава о злодеяниях днестровского разбойника разлетелась от Черкасс до Кракова, и имя его стало синонимом самого изощренного зверства на всех языках, какие слышало Подолье в те годы.

То, что выросло на месте страха в душе гайдамака, можно было бы назвать Служением. Служением Дырам, получившим впоследствии жолдино имя.

Случилось это так. В одном из захваченных отрядом Жолды купеческих обозов, шедших в Валахию из Крыма, среди прочих, оказался римский миссионер, монах-францисканец, выкуп за которого был назначен в размере его веса табаком.

То, что за монаха заплатят, с самого начала выглядело неправдоподобным. Это понимали все. Потому святой отец и не переживал относительно своей участи. Близкую смерть он воспринимал спокойно, с тихим достоинством обреченного. Жолде это нравилось.

Против установившихся правил, ватажек приглашал монаха к своему столу, вел беседы о смысле бытия, расспрашивал о дальних странах. Капуцин был учтив, разговоров не избегал, даже шутил временами.

Как-то разбойник спросил своего пленника о природе дыр в Рахмановых пещерах. Дыр было девять, и каждая имела свой уклон и глубину. Большинство из них резко уходило вглубь горы, сужаясь от входа. Но две, самая мелкая, не больше десяти человеческих ростов, и самая глубокая, до дна которой не долетал горящим факел, имели форму вертикального колодца или кувшина с узким горлышком.

Поначалу монах рассуждал о мягкой породе горы и о водных потоках, пробивающих себе путь. Он говорил, что подземные воды сильнее наземных, а подземные камни мягче тех, что на поверхности. Это происходит оттого, что Земля в середине наполнена замерзшей водой, стекающей из океанов. Чем дальше от поверхности, а значит, от солнечного света и тепла, тем свирепее холод, придающий воде твердости, а породе хрупкости.

Потом он рассказал Жолде про некоего флорентийца, который спускался в ад в поисках своей возлюбленной. Там тоже были пещеры и дыры, но не такие, как во владениях Жолды. Те дыры были духовными, иносказательными, в которых обитали души земных грешников. Грешники, исходя из тяжести совершенных преступлений, селились под землей по мере удаления от поверхности, то есть от солнечного света, а стало быть, и света Божественного, которым несчастные пренебрегли в земной жизни.

Числом тех дыр, которые каноник называл кругами, тоже было девять. На дне самой глубокой сидел Сатана и жевал своими пастями самых страшных грешников: Иуду Искарюта,

предавшего Спасителя, Брута, который зарезал своего названного отца – римского императора Цезаря, и Кассия, который помогал Бруту совершить злодейство. Сатана наполовину был закован в лед подземного озера Коцит и был отвратителен во всех отношениях. Из трех пастей его безобразной морды текли кровавые слюны, а дыхание так воняло, что замораживало воду. Правда, над головой чудища удивительным образом находилась дыра в небо, так что карабкаясь по сатанинской шкуре, можно было выбраться к свету. Самая глубокая яма оказывалась самой близкой к выходу. Это вызывало в личностной философско-этической системе ценностей Жолды необратимые разрушительные процессы.

Еще капуцин рассказал о странных людях – катарах, которые много лет тому назад прятали в похожих пещерах свою реликвию, называемую Грааль.

Толком объяснить, что такое Грааль, монах не смог. Единственное, что понял Жолда – это такой волшебный камень, которым катары очень дорожили и который может исполнять желания. На этот камень капала кровь распятого Христа. Другие считают, по словам обреченного миссионера, что Грааль – это чаша, куда ученики собрали кровь Учителя. Но в это совсем нельзя поверить, ибо ни в Евангелиях, ни в Деяниях, ни в Посланиях про подобное не говорится. Посему такое предположение считается еретическим, как и все катары.

И еще Жолда узнал, что когда враги окружили пещеры катаров, царица этого народа взяла Грааль, поднялась на вершину горы, превратилась в белую голубку и полетела на Восток. И, кто знает, может здесь, в Жолдиных владениях, она нашла подходящее место, чтобы сохранить реликвию.

Именно тогда Жолда почувствовал странную зависимость от пещер, которые с недавнего времени стали его домом. Эта зависимость не была похожа ни на что, до сего часа пережитое разбойником. Поэтому он не мог сравнить новое чувство с родительской любовью или сыновним долгом. Но что-то такое шевелилось внутри его организма.

Ни флорентиец со своим Сатаной, ни катарская царица со своим Граалем не были главными в этом чувстве. Но и они сыграли свою роль в том, что пещеры для Жолды стали живыми.

Монаха Красноглазый велел сбросить в самую неглубокую дыру, чтобы тот был подальше от Сатаны и поближе к Свету. В отличие от своих товарищей по несчастью, принявшим смерть практически сразу, потому что были принесены в жертву более глубоким пещерам, разговорчивый капуцин еще неделю подавал признаки жизни.

Недоверчивый разбойник так и не смог себе представить какой глубины должна быть яма, чтобы опускаясь в нее, ты бы двигался в направлении неба.

12. Насильники над ближним

*О гнев безумный, о корысть слепая,
Вы мучите наш краткий век земной
И в вечности томите, истязая!*

AD.XII.49

Перли Бессерман в книге «Каббала и еврейский мистицизм», ссылаясь на рабби Хаима Виталья³², приемника Ицхака Лурии³³, сообщает, что в Каббале³⁴ лурианской традиции поклон

³² Рабби Хаим Виталь (1543–1620) – мудрец Торы. Был учеником святого рабби Ицхака Лурии Ашкенази (Аризаль). Полнее и точнее всех записал беседы своего наставника, сделав достоянием многих новый подход к Каббале, ставшей впоследствии одним из опорных столпов учения хасидизма.

³³ Ицхак Лурия (1534–1572) – основатель «лурианской» школы Каббалы. В возрасте 22 лет отказался от земных благ и прожил в уединении 13 лет, стяжав славу великого мистика. Лурия привлек к себе множество последователей, стал основателем новой школы Каббалы, в которой важную роль играла доктрина переселения душ.

³⁴ Каббала – эзотерическое, мистическое течение в иудаизме. Каббала как тайное учение была получена в виде особого Откровения немногими избранниками. Далее это знание передавалось тем, кто был способен воспринять его, понять мистические законы и использовать их должным образом.

символизирует единение высших сефирот³⁵ с низшими. Поэтому при произнесении ежедневной молитвы в стоячем положении следует произнести про себя восемнадцать благословений, каждое из которых должно соответствовать одному из восемнадцати позвонков человеческого хребта. Позднее добавили еще одно, девятнадцатое благословение, которое соответствует копчику.

Тот же, кто не желает совершать поклоны, лишен высшего смирения, и, стало быть, все еще находится во власти Змея. Если быть точным, то во власти гордыни Змея, который до изгнания из Эдемского сада имел прямой хребет. Пресмыкаться гадину заставило вечное проклятие.

Мистики уверены, что гордыня, как образ эдемского Змея, лишает способности сосредоточиться на высших сефиротах, что является непреодолимой преградой в осознании необходимости склониться в смиренном поклоне перед Богом и приводит в итоге к неадекватному отношению к собственному «Я».

Гордыня такого свойства безнадежно отрывает человека от возможности приблизиться к пониманию великой сущности Адама Кадмона³⁶, сущности того самого образа и подобия, которые задумал Создатель, изобретая человека.

С другой стороны, вам достаточно, исходя из этой логики, произнести восемнадцать благословений своим позвонкам (не считая копчика), для того, чтобы образ Кадмона стал понятнее и роднее. Относительно людей, страдающих радикулитом, в лурианской традиции ничего не сказано. Равно как и глубина поклонов покрыта завесой молчания.

Циники сколько угодно могут издеваться над подобной методикой постижения Абсолюта. Ведь им, циникам, важно не постичь, а уличить. Для них пессимизм – это способ отрицания мира.

Эти дураки изгаляются, начиная с семидесятого года от Рождества Христова, когда римляне разрушили Иерусалимский храм и обрекли евреев на расселение. Будто они забыли, что у горы Синай в самый ответственный момент находился не только Моисей и его спутники, но и души всех евреев прошлого и будущего. Вот такая локация. И несчастным никогда не уразуметь, что Абсолют содержится не только в категориях космических масштабов, но и в копчике или в капле дождя, упавшей под ноги.

Каббала, как известно, представляет собой учение, которое передается из уст в уста, составляя тем самым непрерывную цепь духовной мудрости во времени. А согласно Талмуду, путей к Истине столько же, сколько человеческих лиц на земле. Стало быть, и Каббала может представать в каких угодно формах и образах. В то же время Каббалу (по той же причине) не возможно преподать. Она постигаема только личным опытом. И фактически без ограничений. Собственно, и цель у нее единственная: максимальное слияние с Богом.

Авраам Абулафия³⁷, проклятый многими испанский каббалист XIII века, открыл доступ к Учению женщинам и неевреям. Подобный либерализм оказался настолько мощным стимулом, что, даже не взирая на негодование раввинской верхушки и весьма пристальное внимание со стороны инквизиции, стал бичом мессианских култов в Европе на последующие пятьсот лет, вплоть до появления хасидства.

Впрочем, всякий каббалист, где и когда бы он ни жил, ставит перед собой единственную цель – достичь единения с Богом. И каким путем это единение будет происходить, по большому счету, не важно.

³⁵ Сефирот – множественное число от «сефира» – сфера, мир, эманация, уровень сознания.

³⁶ Адам Кадмон первозданный, космический человек, прообраз всех людей, какими их задумал Создатель. Согласно Каббале, прежде чем создать Адама Господь создал его Образ, который и есть Кадмон. Т.е. Адам Кадмон – идеальный образ человека, созданный Богом еще до появления первого человека.

³⁷ Авраам Абулафия (1234–1304) – испанский каббалист, объявил себя мессией, ясновидцем и пророком, создал доктрину, впитавшую в себя испанскую Каббалу и немецкий мистицизм.

Медитация на Тетраграмматон³⁸ или на «Зогар»³⁹, дыхательные техники или танцы и песни, в сущности, только пути, которых, как мы знаем, столько же, сколько лиц на земле. Интеллектуальный путь Колесницы, или эмоциональный «путь сердца» в идеале должны привести к одному и тому же – «прилепиться» к Богу.

После репрессий римлян из круга рабби Акиба⁴⁰, величайшего из учителей тайны Меркабы – мистического пути Колесницы, спастись удалось только легендарному рабби Шимону бар Йохан и его сыну Елеазару. В течение тринадцати лет они скрывались от язычников в пещере, а когда опасность миновала, и рабби Шимон вновь вышел к людям, то обнаружил, что Учение никого уже не интересует. Шимон вернулся в свою пещеру, где в медитациях провел еще год. Обряды решимость проповедовать Учение Меркабы⁴¹, Шимон отдал себя миру...

Анна захлопнула ноутбук. Ей сделалось противно.

Вот уже третий день она работала над статьей про Каббалу для женского журнала «Тонус». Задача состояла в том, чтобы популярно объяснить читательницам журнала, что кроме христианского Пути к Богу, существует, еще, по меньшей мере, пять или шесть, которые не хуже.

Идея цикла принадлежала самой Анне, потому и роптать было не на кого. Каббала давалась труднее всего. Анна никак не могла уловить, что там главное. Положа руку на сердце, она бы с удовольствием присоединилась к проклятиям в адрес Авраама Абулафии, который открыл доступ к Учению женщинам и не евреям. Особенно женщинам.

Противно Анне стало не от Каббалы. И даже не оттого, что Анна так ничего и не поняла в мистическом учении евреев. Противно сделалось от жестокого насморка, который уже пятый день царил в носу журналистки, лишая обладательницу носа возможности наслаждаться полноценным дыханием, а стало быть, и жизнью. По глубокому убеждению Анны Шоу, жизнь должна приносить удовольствие, как вкусная еда, модная обувь, мужчины или женщины, с которыми делишь постель. Если этого не происходит, ценность человеческой жизни становится равной воспоминаниям о приятном и, таким образом, подвергается галопирующей инфляции, ибо жить только прошлым так же бесперспективно, как жить только будущим. Правда, второй случай еще хуже – он безнравственный.

– И откуда только в человеческом носу берется столько всякой гадости?! – с надрывом вопрошала у собственного зеркального отражения Анна, сморкаясь во все, что подвернется под руку.

Попытки бороться с болезнью аспирином или антибиотиками ни к чему не привели. Сегодня Анна решила предаться сексу, памятуя бабушкин рецепт: двести граммов крепкого алкоголя на одного темпераментного мужчину.

Секс миновал, темпераментный мужчина громко фыркнул в душе, двести граммов алкоголя испарились в неизвестном направлении, а жестокий насморк пребывал поныне. Причем с новой силой. Казалось, что и секс и выпивка только придали насморку вдохновения. Он бушевал, как фонтаны Зальцбурга в туристический сезон.

– Что-то не так с рецептом, – подумала Анна. – Возможно, во времена бабушки были другие мужчины? Или другой алкоголь? Впрочем, и сопли, видимо, были другими. Уж лучше – каждую неделю месячные, чем этот кошмар. Там хоть механизм понятен. Ой, что это я такое несу! Бойся своих желаний, Анна. Они имеют свойство сбываться.

³⁸ Тетраграмматон – латинское слово, означающее «четырёхбуквенное имя». Это имя является еврейским именем Бога Ветхого Завета, Jehovah (Иеговы). На иврите четыре согласные последнего имени образуют YHWH – то есть Тетраграмматон.

³⁹ «Зогар» («сияние») – одна из основных книг Каббалы.

⁴⁰ Рабби Акиба бэн Иосиф (ок.50–132г.) – знаменитый мудрец Торы. Под его руководством были предприняты первые попытки восстановить изначальный текст Талмуда. Духовный лидер евреев в борьбе с Римом.

⁴¹ Учение Меркабы – одно из самых мистических направлений в Каббале, тесно связанное с переселением душ.

Тот, кто фыркал в душе, подал голос. Это был сорокалетний не очень богатый арабский миллионер, старинный друг Анны, который зарабатывал на жизнь, продавая океанские яхты. На собственную яхту, лучшую какую видели моря, он пока не скопил, но страстно ее желал. Как подозревала Анна, для того, чтобы никто не приставал с дурацкими вопросами.

Гениталии кавалера пахли среднеазиатскими железнодорожными станциями, что вызвало у Анны тягучую ностальгию и романтические чувства.

Араб, кроме бешеного темперамента, был хорош тем, что никогда не претендовал ни на что большее, чем тело Анны Шоу. Для азиата – редкое качество. Тем более что ни миллионы, ни возможные яхты любовника Анну не интересовали. Только секс. Ничего личного.

– Анна, телефон звонит, – подсказал голос из ванной.

На часах было без четверти час ночи.

– Энни? Привет! Это Янсен.

– Что-то случилось? – Анна стыдилась своего «французского прононса».

– Ты не рада меня слышать? Что должно случиться? – удивился голос в трубке.

– Рада. Просто сейчас достаточно поздно, – Анна старалась скрыть раздражение.

– Ах, прости меня, старого идиота! Я же в Испании. Тут такое дело... – в трубке стало тихо.

– Какое дело? – Анна знала, что хорошего ожидать не следует.

– Да, дело... На Бродвее сейчас ставят мюзикл по Данте...

– Что? – Анне опять сделалось противно.

– Мюзикл по Данте. По «Аду». Впрочем, не важно. Я там консультант. Но я сейчас в Испании. Я не могу контролировать. Очень нужно, чтобы я там присутствовал. Сакрально. Ты понимаешь?

– Не очень.

– Нужна статья...

– А кто за тебя работает?

– Там все нормально. Проконсультируют на высшем уровне. Важно, чтобы мое отсутствие не бросалось в глаза.

Анне захотелось сказать какую-нибудь гадость. Например, что отсутствие Янсена и так никто не заметит. Но вовремя сдержалась.

– Ну? – выдавила из себя Анна.

– Что «ну»? Удели внимание.

– Цель? – Анна начинала злиться по-настоящему.

– Ты что, дура? Я же сказал! Ищите да обрящите. Не задавай идиотских вопросов. Ты же умница...

Любовник вышел из ванной, потрепал Анну по щеке и удалился в ночь. Остался жестокий насморк и чувство ненависти ко всем мужчинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.